

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
В МАГИЧЕСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ!**

Олег Бубела

ВЕЗУНЧИК

КНИГА ПЕРВАЯ. ПРОКЛЯТЫЕ ЗЕМЛИ

Олег Бубела
Проклятые земли
Серия «Везунчик», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011274
Везунчик. Книга 1. Проклятые земли: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63433-0*

Аннотация

Никогда не смейтесь над фантастическими книжками! Никита Северов вдоволь поизмывался над обложкой фантастического романа «Гроза орков», где по виду явный ботаник размахивает двадцатикилограммовым мечом, срубая зеленые орочки головы, а напрасно... В смысле – напрасно измывался. В этом Никита убедился очень скоро. Удирая от толпы гопников, он нырнул в черный смерч, оказавшийся у него на дороге. Нырнул и... вынырнул в мире, где человеческая жизнь дешевле миски с тюремной похлебкой, а рядовые стражники владеют магией. Теперь Никите не до смеха. Выживать в суровом Средневековье – это не гопника поучать, который невольно последовал за тобой: здесь задачи посложнее... Но Никита справится, недаром же в новом мире его прозвали Везунчик!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	53
Глава 4	78
Глава 5	108
Глава 6	134
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Олег Бубела

Проклятые земли

*Нечто вроде эпиграфа:
Дуракам везет. По себе знаю.*

Глава 1

Позвольте представиться

«Я взмахнул мечом, и голова орка, уже занесшего топор для удара, отделилась от тела. Обезглавленная туша рухнула рядом, щедро орошая мои штаны темной кровью, фонтанирующей из обрубка шеи. На месте поверженного противника тотчас появился еще один, вооруженный алебардой. Приняв удар на свой щит, я сделал быстрый выпад и пронзил сердце врага, поленившегося подыскать себе хороший доспех. На его уродливой морде проступило удивление столь быстрым финалом схватки, а я вырвал клинок из умирающего тела и снова нанес удар, разрезав брюхо орку, пытавшемуся обойти меня справа. Из раны под ноги рычащему от боли нелюдо вывалился ворох ослизлых внутренностей. Очередной взмах меча подвел черту страданиям орка, прервав его бесполезную жизнь, а в следующий миг в мой щит вонзилась стрела, едва не пробив его насквозь. Лучники армии захватчиков

вновь вступили в игру...»

– Полнейшая ерунда! – констатировал я, даже не дочитав абзац, и захлопнул открытую наугад книгу с яркой обложкой.

– Не спеши с выводами! – возразила Леночка, не отрывая взгляда от экрана монитора. – Я поначалу тоже так думала, но потом осилила пару глав и уже не смогла оторваться, пока не дочитала до конца. Отличная вещь!

Я скептически хмыкнул в ответ на это заявление и оценил картинку на обложке. На ней был изображен невзрачный парень в джинсах и тельняшке, сжимающий в руках меч, который, по самым скромным предположениям, должен был весить не меньше двадцати кило. Но эту железяку паренек держал легко и непринужденно, хотя сам напоминал среднестатистического «ботаника», никогда не поднимавшего ничего тяжелее бутылки с пивом.

Вокруг него в живописном беспорядке валялись расчлененные тела звероватого вида людей с зеленой кожей и выпирающими из нижней челюсти длинными мощными клыками. По всей видимости, это и были те самые орки, поголовье которых герой старательно сокращал на протяжении всего романа. Глядя на сих диковинных существ, я не мог не подивиться буйству фантазии художника. Нет, ну скажите мне, зачем было рисовать такие огромные клыки? Понятное дело, с ними физиономии орков выглядят более отгаликивающе, но ведь с подобным украшением не то что разгова-

ривать – есть затруднительно! Что ж, похоже, автор картин-ки не имел привычки обращать внимания на такие незначи-тельные мелочи, как реалистичность.

– Не знал, что ты такая кровожадная, – сказал я, возвра-щая книгу на стол. – Неужели тебе действительно понрави-лось читать про все эти отрубленные головы, выпущенные кишки и все прочее?

– Ты прав, соотношение количества трупов на страницу текста зашкаливает. Но знаешь, это совершенно не раздра-жает, – ответила Лена, продолжая вбивать в договор данные заказчика. – И нечего удивляться! Есть немало писателей, которые могут придумать захватывающую историю, но не способны изложить ее так, чтобы увлечь читателя. А иногда попадают талантливые авторы, которым по силам интерес-но рассказать обо всем на свете. Вот им можно простить и чрезмерную жестокость, и слабую идею романа, и отсутствие элементарной логики в старом, набившем оскомину сюжете... Давай банковские реквизиты!

Я с готовностью протянул девушке листок.

– Ага... В общем, – продолжала Леночка, – нечасто быва-ет, когда оба эти качества успешно сочетаются в одном авто-ре, и, если приходится выбирать, лично я отдам предпочте-ние представителям второй категории. Все-таки книга долж-на доставлять читателю удовольствие. А то, случается, возь-мешь новый роман признанного мэтра, где и мир продуман тщательно, и сюжет закручен так, что только в последней гла-

ве можно свести концы, и характеры персонажей прописаны до мельчайших деталей, а после прочтения и вспомнить не о чем. Да, книга шикарная, но особых эмоций не вызывает. Разве что легкое разочарование, так как от писателя подобного ранга ожидаешь шедевра, а не добротного середнячка. Наверное, именно поэтому в последние годы крупнейшие издательства стали больше печатать молодых авторов, которые хоть и не такие мастера, но пишут не только ради денег, а еще и для души. Кстати, а ты в курсе, что не так давно появилась новая серия, посвященная «попаданцам»?..

Лена продолжала щебетать о тенденциях в современной литературе, а я в это время, зафиксировав на своем лице заинтересованное выражение, задумался о том, не нужно ли перестраховаться и добавить пару пунктов в стандартный контракт.

Наша Леночка, она же Ленусик (партийная кличка, намертво приклеившаяся к девушке с подачи шефа), была заядлой книгоманкой. Или библиофилкой – уж не знаю, как правильнее. К своим двадцати с немалым лишним годам она собрала внушительную библиотеку и перечитала книг больше, чем я видел в своей жизни. И хотя интерес ее ограничивался жанром фэнтези, это не мешало Лене считаться среди друзей и знакомых знатоком печатного слова. Благодаря ее стараниям половина работников нашей газеты за несколько лет прочно подседа на этот бумажный наркотик и теперь регулярно совершала набеги на книжный рынок, оставляя там

немалую часть своей зарплаты.

Я в эту половину не входил, и к попыткам Ленусика перетасщить меня в свой лагерь относился философски. Тому были причины. Во-первых, чтением я никогда не увлекался, считая, что свободное время можно провести с большей пользой. Во-вторых, сказочки о всяких эльфах, гномах и иже с ними меня не привлекали. Ну и в-третьих, первое знакомство с литературой подобного толка оказалось крайне неудачным и лишило меня всякого желания его продолжать.

Помнится, года полтора назад, после долгих уговоров на тему «фильм всегда хуже книги», я взял у Лены «Властелина колец» и торжественно пообещал прочесть. Первый том забрал у меня три свободных вечера и не оставил ничего, кроме скуки и едва не вывихнутой от частых зевков челюсти. Остальные я даже не открывал, а возвращая хозяйке, с чистым сердцем обозвал макулатурой. Оскорбленная в лучших чувствах девушка неделю со мной не разговаривала, однако после полукилограммовой коробки любимых конфет все же оттаяла и великодушно простила «неуча», заявив, что я еще не дорос до серьезной литературы...

– Ник, ты меня вообще слушаешь?

Ник – это я, если вы не догадались. Вообще-то меня зовут Никитой, но шеф в мой первый рабочий день решил, что молодому перспективному сотруднику носить полное имя по статусу не положено, и быстро урезал его до приемлемого размера. Коллеги охотно поддержали это начинание, а вско-

ре я настолько свыкся с новой кличкой, что даже заказчикам стал представляться Ником Северовым. Некоторые особо любопытные даже интересовались, не иностранец ли я.

Наткнувшись на вопросительный взгляд девушки, я понял, что неожиданно потерял нить разговора. Ведь это Ленусик у нас может, словно Цезарь, делать несколько дел одновременно – и договор набирать, и со мной общаться, и музыку слушать, а я такими талантами не обладаю. И если задумаюсь о чем-то, то на все постороннее, как правило, не обращаю никакого внимания. Чтобы не обижать собеседницу, я невозмутимо ответил:

– Разумеется.

– Так что скажешь? – поинтересовалась Ленусик, возвращая мне ксерокопии данных заказчика и отправляя файл в печать.

– Я с тобой полностью согласен, – выдал я общую фразу, надеясь, что ее окажется достаточно.

– Вот и замечательно, – радостно заявила Лена и протянула мне книгу, которую я только что рассматривал. – Вернешь, когда прочитаешь.

Видимо, разочарование все-таки отразилось на моем лице, когда я брал этот «шедевр», по недомыслию выпускавшийся не в рулонах, а в форме, куда более неудобной для использования, потому что Ленусик недовольно покачала головой и заявила:

– Ник, иногда ты меня поражаешь до глубины души! Раз-

ве ты не понимаешь, что книги – это не напрасная трата времени, а возможность расширить свое мировоззрение, узнать что-то интересное, окунуться в мир фантазий, почувствовать себя другим. Разве тебе никогда не хотелось испытать новые эмоции, пережить новые ощущения? Разве не возникло желание сбежать куда-нибудь от окружающей нас серой обыденности?

– Нет, – честно ответил я. – Меня и тут неплохо кормят. Доставая листы из принтера, Ленусик печально вздохнула:

– Теперь понятно, почему ты до сих пор один живешь. Нет в тебе никакой романтики, сухарь ты бесчувственный! И неудивительно, что за такого никто замуж идти не хочет.

– Это ты зря! – обиженно возразил я. – Романтики у меня предостаточно, а не женюсь я по идейным соображениям, менять которые в ближайшем будущем не собираюсь.

Ленусик ловко рассортировала листки по двум стопкам, скрепила их и протянула мне:

– Смотри, с такими соображениями к старости совсем один останешься. Некому будет даже стакан воды подать.

– Не останусь! – беспечно заявил я, принимая вожделенный договор. – Вот лет через десять нагуляюсь, остепенюсь, да и сделаю кому-нибудь предложение, от которого невозможно отказаться. Может, даже тебе, если ты к тому времени никого окольцевать не успеешь... Все, Ленусик, огромное спасибо! Я побежал.

Пока девушка думала, что бы сказать в ответ, я галантно поцеловал ей ручку, быстрой походкой покинул кабинет нашего экономиста и направился к себе. Блуждая коридорами редакции, я размышлял, с чего это вдруг Лена вспомнила о моей личной жизни. Возможно, ее строгая мамаша устала ждать, пока дочурка подыщет себе «принца» на белом коне, и развернула широкомасштабную промывку мозгов. В этом я с ней был согласен – четверть века за спиной, а у девушки одни книжки на уме.

Хотя, если вспомнить, с годик назад, когда шеф назначил меня заведующим отделом рекламы, Ленусик в числе прочих принялась строить мне глазки, но быстро сообразила, что томные взгляды и легкий флирт на меня не действуют. Тяжелую артиллерию она использовать не решилась и больше охмурять меня не пыталась, в отличие от прочих незамужних коллег, которые еще пару месяцев действовали мне на нервы, прежде чем убедиться, что романов на рабочем месте я не завожу.

Положа руку на сердце, скажу, что в то время мне было сложно удержаться от активных действий по отношению к ней. Ведь я понимал, что девушка – золото. Умная, начитанная, специалист хороший, да и красотой природа не обделила. Единственный недостаток – немножечко не от мира сего, поскольку больше времени проводит в фантазиях, нежели в реальном мире, но на это можно с легкостью закрыть глаза. Вот только я пообещал своему отцу придерживаться

нескольких четких правил, одно из которых гласило: смешивать работу и личную жизнь нельзя, иначе успехов не будет ни там, ни там. В справедливости данного утверждения я несколько не сомневался, благо примеров перед глазами хватало, да и рассказы знакомых, обжегшихся на служебных романах, были весьма красочными. Именно поэтому сейчас мы с Ленусиком – не более чем хорошие друзья, хотя кто знает, как могло сложиться.

Мысленно пожелав девушке хорошего мужика, я добрался до своего маленького, но отдельного кабинета, где меня терпеливо дождался заказчик. Пока клиент подписывал договора, я сунул книгу с довольно пафосным названием «Гроза орков» в стол, а спустя минуту начисто позабыл о ней, сосредоточившись на уточнении деталей будущей рекламной заметки. Обсудив все мелочи, вплоть до шрифта, и пару раз проверив текст (случаи бывали), я пообещал довольному заказчику, что результат он сможет увидеть уже в завтрашнем выпуске, и спровадил его со всевозможной почтительностью и долгими расшаркиваниями. Последнее было обязательным. Пусть заказ клиента копеечный, обязательно нужно показать, что для нас он – важная персона, и выполнить любой каприз. Глядишь, в следующий раз снова обратится и друзьям порекомендует.

До самого позднего вечера я трудился в поте лица. Все-таки быть начальником пусть и небольшого коллектива – тяжкое бремя. Одного приказа не всегда бывает достаточно.

Нужно постоянно следить за всем, контролировать, вникать в детали, так как за любую оплошность на ковре у шефа придется краснеть мне, а не дизайнерам, корректорам, верстальщикам и прочей братии.

Когда вся работа была проделана, и даже четверть полосы для рекламки нового клиента после упорного спора отыскалась, я смог вздохнуть спокойно и поблагодарить своих подчиненных, задержавшихся ради дела на пару часов. Да, в отличие от прежнего заведомо, я коллег за бездушную рабочую силу не считал и при каждом удобном случае всячески демонстрировал, что без них я – никто. Это помогало поддерживать нормальную производственную атмосферу, положительно влиявшую на результаты работы. Все в отделе давно считали меня «своим» парнем, который и премии может выбить, и добиться отпусков не зимой, а в более подходящее время года, и путевки в профкоме по знакомству достать. Ради такого можно потрудиться на совесть, а не для галочки.

Окончательно убедившись, что если проблемы со свежим выпуском возникнут, то уж точно не по нашей вине, я вернулся к себе, чувствуя острое желание перекусить. За окном была ночь, поблизости никаких круглосуточных кафешек не располагалось, и я решил провести обыск в столе, надеясь обнаружить что-нибудь съедобное. Мне частенько приходилось задерживаться на работе, а это привело к появлению полезной привычки хранить НЗ в виде конфет, орешков или подобной ерунды, которая помогала дотерпеть до дома.

К сожалению, в этот раз поиски успехом не увенчались – видимо, я давно не пополнял свои закрома. Результатом стала лишь початая пачка прогорклого печенья, валявшаяся в ящике месяца два, которую я тут же определил в мусорную корзину. В процессе обыска на глаза попала книга Лену-сика. Ее я, после недолгого раздумья, решил прихватить с собой. Раз под рукой нет пищи телесной, придется довольствоваться духовной. Все равно еще полчаса в дороге домой скучать. Накинув ветровку, я проверил кошелек с мобильником, погасил свет в кабинете и отправился домой. Прощально кивнув знакомому вахтеру, вышел на улицу и потопал к ближайшей остановке.

Своей машины у меня не было, и никогда не будет – это я знал точно. Имевшие железных коней коллеги периодически безуспешно уговаривали меня обзавестись своими колесами, а шеф изредка подтрунивал, удивляясь, на что я трачу зарплату, если даже приличную машину купить не могу. Но первым я напоминал, что общественный транспорт доставляет куда меньше проблем, чем шедевры отечественного автопрома, а шефу прозрачно намекал, что женское внимание имеет свою цену. И лишь немногие знали истинную причину, по которой я упорно оставался в клубе автонелюбителей. Пять лет назад мои родители погибли в аварии. С той поры я принципиально не садился за баранку автомобиля, и всегда выбирал заднее сиденье.

Дойдя до остановки, я обнаружил, что ларек рядом с ней

еще работает, и купил шоколадку, которая помогла утихомирить желудок. Время было позднее, маршрутки уже не ходили, но спустя четверть часа подкатил дежурный троллейбус. Нырнув в почти пустой салон, я пристроился у окошка и в который раз оглядел захваченную книгу, задаваясь почти гамлетовским вопросом: читать или все-таки побереечь глаза и мозги? Воспользоваться случаем и часок ни о чем не думать или же погрузиться в мир фантазии и... как там говорила Ленусик? Сбежать от серой обыденности?

В последнем я смысла не видел абсолютно, так как моя жизнь меня устраивала. Я всегда считал себя успешным человеком, которому грех жаловаться на что-либо. А как же иначе? У меня есть уютная холостяцкая квартирка, доставшаяся от родителей, работа, на которой меня ценят и уважают, зарплата, не вынуждающая экономить на каждой мелочи, здоровье, не вызывающее опасений (тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!). Да и недостатка женской ласки тоже не наблюдается, ведь я хоть и не обладаю смазливой внешностью или мышцами Шварца, но общаться с противоположным полом умею, что обеспечивает легкие победы на этом фронте. В общем, жизнь удалась!

С другой стороны, в последние месяцы я все чаще стал ловить себя на мысли, что мне становится скучно. Скучно каждый день выполнять одну и ту же работу, скучно улыбаться заказчикам и вежливо хихикать над плоскими шуточками шефа, скучно играть заботливого начальника. И даже с по-

другами я в последнее время общался не по необходимости, а по инерции, чтобы не выходить из выбранного образа.

Не нужно гадать, почему у меня появилось это чувство. Оно было вполне объяснимым – в моей жизни не было цели. Раньше я всегда стремился к чему-либо, таким меня воспитали. Именно это стремление помогло без проблем закончить вуз, причем не кое-как, а с красным дипломом, который в итоге очень выручил при поиске работы. Именно оно позволило мне утвердиться в коллективе и за каких-то неполных три года получить кресло заведующего отделом (как вспомню, сколько пахать пришлось – дурно становится!). Именно оно в дальнейшем помогло устранить недовольство «старожилов», метивших на хлебное место, и сделать свой отдел образцовым (ни одного серьезного «косяка» за три месяца!). А сейчас, когда все осталось позади, вполне закономерно наступила скука. Мне больше не к чему было стремиться, я достиг всех своих вершин, а других на горизонте пока не наблюдалось...

– Молодой человек, я до вокзала доеду? – оторвал меня от невеселых мыслей скрипучий голос.

– Доедете, – кивнул я присевшей напротив бабушке.

– Ой, спасибо, милоч, – радостно улыбнулась та, как будто я пообещал, что лично изменю маршрут троллейбуса, чтобы старушенция попала, куда нужно.

Мысленно встряхнувшись, я сбросил с себя липкую хандру, непонятно почему подавшую голос. Хватит копать в

себе! До добра это не доведет, так как поиски смысла жизни по сути своей абсолютно бесполезны. А если разобраться, скука меня одолевает по одной простой причине – я уже третий год работаю без отпусков. Во-первых, ради поддержания образа трудоголика, который любовно оттачиваю с момента своего появления на новом месте, во-вторых, вняв настойчивым просьбам шефа, который отчего-то уверен, что без меня работа рекламного отдела встанет, как солдат по стойке «смирно».

Все, решено! Раз душа настоятельно требует отдыха, то потерплю еще недельку-другую, а потом выбью себе отпуск и рвану куда-нибудь на юга. Или в турпоход, по местам, где мы с отцом бродили... В общем, примерно определившись с планами на ближайшее будущее, я поглядел в темное окно и раскрыл книгу.

После первых десяти страниц я убедился, что мой скоропалительный вывод был верен – литературой данный «шедевр» назвать было никак нельзя. Следующие двадцать вызвали умиление детской наивностью писателя, а потом глупая улыбка уже не покидала мое лицо. Не знаю, как там с сюжетом, который, по словам Ленусика, отличался банальностью, но логика данного повествования заметно хромала на все конечности. Начать хотя бы с того, каким образом главный герой попал в параллельный мир (или перпендикулярный – в тексте не уточнялось). Он шел по городу, внезапно потерял сознание, а очнулся уже «там». Просто, как и все

гениальное! Действительно, к чему заморачиваться с объяснениями, выдумывать более-менее правдоподобную версию переноса, если можно вот так небрежно опустить детали?

Дальше парню, оказавшемуся ботаником-программером (а я и не сомневался!), жители иного мира популярно разъяснили, что землянин был доставлен магами для исполнения очень древнего пророчества, и теперь бывшему работнику клави и мышки уготована роль героя-спасителя человеческой расы. (К слову, судя по всему, население другого мира свободно разговаривало на русском, поскольку никаких упоминаний о языковом барьере книга не содержала.) Парень, само собой, порефлексировал немного на тему «не хочу быть героем, вертайте меня назад!», но местные оказались убедительными. Уж очень им был нужен именно наш ботаник, обладающий некими специфическими особенностями ауры.

Затем шло описание обучения героя и его тренировок в какой-то супер-пупер-магической академии, где дохлаку-землянину хитрыми способами добавили силенок, ускорили рефлексy, передали навыки владения холодным оружием... Короче, нехило так прокачали и после блестяще сданного выпускного экзамена отправили в поход за легендарным мечом, который хранился чуть ли не на противоположном краю света и полтысячи лет дожидался нашего программиста. Что интересно, автор так и не удосужился пояснить читателям, на фига вообще жителям другого мира, обладающим продвинутыми магами, способными запросто вы-

дергивать людей с Земли и в кратчайшие сроки делать из них непобедимых воинов, было так заморачиваться. Но я ведь уже говорил про отсутствие логики в повествовании?

С этого момента начались основные приключения «попаданца». В рекордные сроки (за какие-то полсотни страниц) он умудрился побывать во всех мыслимых и немыслимых переделках, собрать дружную команду, в которую вошли представители различных фэнтезийных рас (включая вампиров и оборотней), подзаработать денег, погеройствовать в свое удовольствие... В общем, парень принялся отрываться по полной программе, что и понятно – силушки немерено, внешних ограничителей нет, а собственные тормоза остались далеко за поворотом.

Несмотря на то, что все похождения «Грозы» описывались на полном серьезе, я периодически хихикал, едва сдерживаясь, чтобы не заржать на весь салон. И почему Ленусик не уточнила, что это юмористический роман? Видимо, она просто не поняла, что автор всю дорогу прикалывался над читателями, а вот я подмечал все его хохмочки и оценивал по достоинству. Чего стоил самовзводный арбалет, способный стрелять очередями! А чудо-кольцо, сочетающее в себе функции походной аптечки и дистанционного анализатора ядов! А бездонный кошелек!..

Перелистнув очередную страницу, я поглядел в окно и мысленно выругался, так как, зачитавшись, проехал пару лишних остановок. Захлопнул книгу, дождался, пока трол-

лейбус, погромыхая на дорожных выбоинах, доберется до следующей, и вышел в ночь. В принципе, можно было остаться, доехать до кольца, а сойти уже на обратном пути, но я решил, что пешком быстрее дойду. Тем более не было никаких гарантий, что я снова не зачитаюсь.

Сунув книгу под мышку, а руки в карманы ветровки, я бодренько потопал через полутемные дворы, вдыхая прохладный воздух, щедро сдобренный ароматами бензина и давно не вывозимого мусора. Маршрут был мне знаком, ведь за десяток лет я успел изучить каждую подворотню в районе и не боялся заблудиться. Но, как оказалось, это была не самая большая неприятность, которая могла со мной произойти.

Войдя в очередной двор, я заметил сидевшую на скамеечках детской площадки компанию подвыпивших молодых людей, которых с первого взгляда можно было смело отнести к категории мелкоуголовных элементов, а конкретно – подвиду «гопник обыкновенный». Возвращаться и делать крюк, чтобы обойти двор, мне было лень, да и желудок последние минут десять отчаянно сигнализировал о том, что маленькая шоколадка – плохая замена плотному ужину. Поэтому я положился на удачу и продолжил свой путь, надеясь, что компания не обратит внимания на одинокого прохожего.

Не ускоряя шаг, не меняя выражения лица и не глядя на гопников, я направился по асфальтированной дорожке к проходу между домами, ведущему в следующий двор. Но

моим надеждам не суждено было сбыться. Видимо, концентрация алкоголя в крови парней уже успела достичь определенной отметки, когда душа желает подвигов, а задница приключений. Заметив в пределах досягаемости объект типа «лох обыкновенный», они заметно оживились, поднялись с лавочек и двинулись ко мне с вполне понятными намерениями.

– Эй, мужик, закурить есть?! – крикнул один из парней.

Я едва сдержался, чтобы не засмеяться. Надо же, как банально! Он бы еще спросил, как пройти в библиотеку!

– Простите, ребята, не курю, – ответил я, добродушно улыбнувшись и вынимая руки из карманов.

Не меняя ритма шагов, я краем глаза рассматривал гопников, определяя, есть ли у них оружие. Судя по действиям компании, такие забавы для них не в новинку. Задавший вопрос заводила, обладающий немалым ростом и шириной плеч, надвигался на меня с пятеркой приятелей, улыбки которых не сулили ничего хорошего, парочка заходила слева, тем самым пытаясь отрезать мне путь к отступлению, а остальные ускорили шаг, стремясь преградить дорогу к спасительной арке между домами. В общем, меня довольно грамотно брали «в клещи», и не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться – как только я окажусь в кольце, моментально лишусь мобильного, кошелька с наличностью и (вполне возможно) здоровья.

Подобная перспектива меня, разумеется, не привлекала.

Вариантов выхода из опасной ситуации существовало два, прямо как в известном анекдоте. Первый, героический – навалять гопникам по первое число и удалиться с гордо поднятой головой, я отмел сразу. Нет, было бы парней раза в четыре поменьше, я бы наглядно продемонстрировал засранцам, что не все лохи одинаково беззащитны, поскольку знал, куда, а главное, как нужно бить. Но дюжина поддатых отморозков, желающих поразвлечься, мне точно не по зубам.

Это только в боевиках герою удается успешно махать с толпой противников (поскольку, как правило, в такие моменты атакуют его лишь двое-трое, пока остальные разминаются на достаточном удалении, чтобы не мешать), а в реальной уличной драке шансы получить удар колюще-режущим предметом в жизненно важный орган неоправданно велики. Именно поэтому я без колебаний решил воспользоваться вторым вариантом – перехватил книгу поудобнее и метнулся вперед.

Гопники неприятно удивились, когда их жертва продемонстрировала немалую прыть, но среагировали быстро. Те парни, которые стремились загородить путь к свободе, рванули наперерез, но перехватить меня уже не успевали. Самому шустрому, попытавшемуся цапнуть меня за куртку, я с размаха врезал по лицу зажатой в ладони книгой. Получить по носу корешком довольно увесистого тома – это весьма болезненно. Именно поэтому гопник охнул, схватился за пострадавшую часть тела и позволил мне вырваться из сжи-

мавшихся клещей.

Вот и все! Больше мне ничто не угрожало. Догнать меня этой шантрапе было не суждено, так как бегать я умел и любил. Когда мне стукнуло лет пять, отец приучил меня к ежедневным утренним пробежкам, которые со временем стали чем-то вроде семейной традиции. В эти моменты, методично работая ногами и вдыхая утреннюю свежесть, мы могли спокойно общаться на любые темы и делиться друг с другом самым сокровенным. После гибели родителей я не бросил эту затею, выделяя каждое утро полчаса-час на пробежку. И хотя ради этого своеобразного ритуала мне приходилось подниматься в полшестого, именно он дарил заряд бодрости моим мышцам и умиротворение сознанию. А иногда мне даже казалось, что отец, как в старые времена, бежит рядом.

Промчавшись по двору, я нырнул в проход между домами, слыша за спиной топот и крики с требованиями остановиться, а то хуже будет. Гопники кинулись догонять меня всей толпой. Наверное, им очень не понравилось мое наглое поведение, а может, они решили отомстить за своего покалеченного товарища, чья физиономия минимум на неделю утратила товарный вид. Однако я понимал, что их прокуренные дыхалки и ослабленные «всякими нехорошими излишествами» организмы вряд ли позволят сократить увеличивающееся между нами расстояние, а потому не особо переживал за исход забега.

Но тут темнота решила преподнести мне сюрприз – в про-

ходе я умудрился зацепиться ногой за какую-то арматуру, выпирающую из земли. Взмахнув руками в тщетной попытке научиться летать, я почувствовал, как книга Ленусика выскользнула из пальцев и канула во тьму, однако все же сумел удержаться на ногах и не растянулся плашмя на радость преследователям. Встретившаяся с неожиданным препятствием лодыжка пообещала завтра порадовать меня великолепным синяком, однако вес моего тела приняла нормально, поэтому я снова набрал скорость, сожалея об утрате. Видимо, сегодня дочитать «Грозу орков» мне не суждено. Придется завтра съездить на книжный и добыть там похожий экземпляр.

Звуки падения и нецензурщина за моей спиной говорили о том, что не я один умудрился отыскать капкан в проходе. М-да, вечер у гопников выдался крайне неудачным. Что ж, хотели приключений на свои пятые точки – получите и распишитесь! Сейчас меня волновало только одно: станут ли они продолжать преследование или плюнут и отправятся зализывать боевые раны? Пробежав еще один двор, я оглянулся. Теперь из всей компании за мной бежали трое, которые оказались на диво упорными. Пожалев, что поленился обойти гопников десятой дорогой, я свернул, обогнул ларек и нырнул в небольшую арку.

Через несколько дворов показался мой дом. К этому времени один из парней выдохся и безнадежно отстал, но два других были более выносливыми и сдаваться не собирались. Спортсмены, чтоб им пусто было! Пришлось пробежать ми-

мо своего подъезда – ни к чему сообщать этим отморозкам, где я обитаю. Но незапланированную разминку пора заканчивать, а то так до утра развлекаться можно. Прикинув, как лучше поступить, я решил сделать небольшой круг, добежать до знакомой высотки, где имелся проходной никогда не запиравшийся подъезд, воспользоваться им и оставить преследователей с носом. Если не выйдет, придется встретить наглецов и немножко поучить их уму-разуму методом кулака и ботинка. Чтобы навсегда запомнили, что на мирных прохожих нападать нехорошо!

С этими воинственными мыслями я свернул за угол и выпал в осадок, увидав нечто, не поддававшееся логическому объяснению. Прямо передо мной в воздухе висел угольно-черный смерч – по-другому эту вращающуюся конусообразную хреновину назвать нельзя. Он был небольшим, метров пять высотой, и прекрасно различался в свете из окон многоэтажек. Я попытался остановиться, чтобы не влететь в странную аномалию, с какой-то радости возникшую посреди спального района, но ощутил, как меня подхватывает непонятная сила и затягивает прямиком в эту черноту. Спротивляться ей было бесполезно. Мои жалкие попытки ухватиться за редкие ветки кустов на газоне ни к чему не привели. Краем сознания я еще успел отметить, что смерч, своим тонким концом упирившийся в асфальтированную дорожку, почему-то не спешил засасывать валявшиеся на ней бычки и прочий мусор.

«Вот повезло-то!» – промелькнула в голове последняя цензурная мысль.

Ноги оторвались от асфальта, и я ласточкой нырнул в смерч. Меня обволокла темнота, которая погасила все звуки, включая топот приближающейся парочки преследователей, тело пронзил жуткий холод, дыхание перехватило, а желудок судорожно сжался. Но эти неприятные ощущения длились всего секунду. Как только она истекла, в глаза ударил яркий свет, и я почувствовал, что та сила, которая затянула меня в черную аномалию, исчезла. Едва успев подставить руки, чтобы уберечь лицо, я шлепнулся на жесткий каменный пол.

Впечатления от приземления были не из приятных, но на них я особого внимания не обратил, во все глаза разглядывая место, в котором очутился. Меня выбросило в большое помещение со стенами из грубых каменных блоков. На них в разных местах висели яркие светильники необычной формы, похожие на миниатюрные лампы дневного света. Комната не была пустой – в ней находились люди в серых балахонах. Поглядывая на меня, они стояли неподвижно и чего-то ждали, взяв в кольцо смерч, который больше не пытался засосать в себя мое тело.

Всего встречающих я насчитал полтора десятка. Некоторые держали обнаженные мечи, трое сжимали длинные копья, прочие были безоружными, однако безобидными тоже не казались. Стараясь не делать резких движений, чтобы их не нервировать, я поднялся, но не успел и рта раскрыть, что-

бы поинтересоваться, куда, собственно, попал и что происходит, как за моей спиной послышался крик. Обернувшись, я увидел, как смерч исторг из себя одного из гопников, который, в отличие от меня, приземлился весьма неудачно. Он со всего размаха хряпнулся головой о каменный пол и потерял сознание.

Смерч после доставки парня разом съежился, потеряв четыре пятых своих изначальных размеров, а в следующую секунду и вовсе пропал, выбросив напоследок из черноты еще кое-что.

– Ни хрена себе! – выдохнул я.

«Кое-что» оказалось человеческой головой с расширенными от ужаса глазами и отсеченной по локоть рукой. Из них на каменные плиты пола, покрытые странной вязью черных иероглифов, сочилась алая кровь. Словно замороженный, я наблюдал за тем, как медленно открывается рот подстриженной «под ноль» башки, как затуманиваются выпученные от ужаса глаза, а потом сильный удар по затылку погасил мое ошеломленное сознание.

Глава 2

Узники

Когда я пришел в себя, сперва ощутил стойкий запах общественного туалета, а уже потом почувствовал тупую боль в голове. Открыв глаза, я обнаружил вокруг себя лишь мрак и попытался подняться. Это удалось со второго раза – все-таки врезали мне замечательно. Кое-как приняв сидячее положение, я подавил желание расстаться с давно позабытым обедом и переждал приступ головокружения. Ощупав нехилый шишак на затылке, скривился от боли, но все же признал, что дырки в черепе не наблюдается. Заодно обнаружил, что неизвестные похитители (а как их еще назвать?) не поленились избавить меня от всех шмоток, натянув взамен какие-то драные шаровары и не первой свежести рубаху без пуговиц.

– Нехилый бартер! – констатировал я и услышал шорох.

Оглядевшись повторно, я понял, что зрение успело немного адаптироваться и теперь худо-бедно позволяло рассмотреть окружающее пространство. Я увидел, что нахожусь в какой-то комнатке, очень напоминающей камеру, с полом, покрытым гнилой соломой. В одной из ее стен под потолком было маленькое окошко, из которого проникал слабый свет, а в другой – деревянная дверь без ручки. Кроме меня в камере находились еще человек десять, которые в данный мо-

мент либо сидели у стен, разглядывая меня, либо лежали на полу.

– Привет всем! – обратился я к сокамерникам. – Не со-
благоволите подсказать новичку, где он оказался?

Ответом было молчание, но несколько лежавших задвигались и повернулись ко мне.

– Что это за место? – предпринял я еще одну попытку.

На этот раз один из сидевших у стены произнес фразу, из которой я не понял ни слова. Этот язык был мне совершенно неизвестен, хотя очень напоминал польский.

– А кто-нибудь здесь говорит на русском? – поинтересовался я и после недолгой паузы сделал еще один заход: – Ху кэн спик инглиш?.. Дойч, франсе?

Хоть на последних я не говорил, но пару сотен слов все же знал. Вот только никто из сокамерников не порадовал меня пониманием. В ответ прозвучало несколько фраз на том же неизвестном языке, так и оставшихся для меня загадкой.

– Замечательно выходит! – констатировал я и задумался.

Итак, подведем итоги. Непонятно кто непонятно как выдернул меня непонятно куда для своих непонятных целей. Короче – полный песец! Хотя нет, еще не полный, ведь я жив, а это уже немало. Если вспомнить все увиденное мной до отключки, сразу возникает неприятная мыслишка о перемещении в другой мир. Если разобраться, данное предположение – чистой воды бред, навеянный недочитанным романом, но другого объяснения моя пострадавшая часть тела

родить не смогла. Поэтому сейчас мне осталось только подтвердить или опровергнуть эту теорию, а уже потом решать, что делать дальше.

Проигнорировав какую-то фразу ближайшего мужика, я поднялся на ноги и, слегка пошатываясь, подошел к стене с окошком. Непосредственно под ним никто не сидел, поэтому мне не пришлось никого уговаривать подвинуться. Само окошко располагалось высоко, но я, постояв пару минут, чтобы унять головокружение, подпрыгнул и пальцами зацепился за его край. Чувствуя пульсирующую боль в затылке, подтянулся и выглянул в большой мир.

Первым делом я отметил, что стены камеры довольно толстые, потом обнаружил, что узкое окошко, в которое даже голову просунуть было сложно, перегородено стальными прутьями, сквозь которые могла пробраться лишь крыса. А потом мне стало не до деталей, так как я увидел небо, усеянное необычайно яркими звездами, и Луну. Маленькую такую Луну, раза в два меньше привычной мне, и окрашенную в нежно-розовый цвет.

Немного полюбовавшись на это странное небесное тело, которому не было места на земном небосводе, я осторожно спрыгнул на пол и зажмурился от острой боли, разламывающей мою бедную черепушку на части. Пришлось даже присесть у стены, дожидаясь, когда острые когти прекратят терзать мозг. А спустя пару минут, вернув себе способность внятно мыслить, я сделал логичный вывод: все-таки меня за-

несло в другой мир. И с этим не поспоришь. Но как же меня угораздило-то? Ведь жил себе спокойно, никого не трогал, так нет – посчастливилось оказаться в нужном месте в нужное время. Черт бы побрал этих гопников! Если бы не они, я бы дома чаек попивал и «Грозу орков» дочитывал, а теперь сижу в какой-то грязной камере и гадаю, что меня может ожидать.

В этот момент одно из тел, лежавших на полу камеры, вяло зашевелилось, застонало, а потом произнесло пару непечатных слов на великом и, несомненно, могучем. Именно тогда я вспомнил, что попал сюда не один, и немного приободрился – вдвоем все же полегче будет. Хотя бы морально. Мой товарищ по попаданству приподнялся на локтях и принялся вертеть головой. Насколько я мог судить в полумраке, его физиономия была залита кровью. Видать, сильно пострадала от непредвиденной встречи с каменным полом. Оглядевшись, парень возмутился:

– Че за хрень?! Куда меня упрятали?!

Один из сокамерников произнес несколько слов на непонятном языке, но, судя по интонации, обращался он не к пришедшему в себя незадачливому гопнику, а констатировал: «Еще один иноземец».

– Очнулся, друг? – спросил я парня. – Тогда поздравляю с прибытием!

– Это ментовка? – повернулся он ко мне.

– Нет, это другой мир.

– Че?

– Хрен через плечо! Ты смерч черный видел, прежде чем вырубиться?

– Да, – не стал отпираться парень.

– Так вот он и перенес нас в этот мир. А его обитатели оказались не слишком дружелюбными и сразу швырнули нас в эту камеру. Расклад понятен?

Однако коллега по несчастью доверием проникаться не спешил:

– Да ты гонишь! Какой другой мир? Какие обитатели?

– Если не веришь, можешь подойти и полюбоваться из окошка на звездочки и местную Луну, – спокойно ответил я, поднимаясь. – После этого никаких сомнений не останется.

Парень, буркнув себе под нос нечто матерное, поднялся и подошел к стене с окошком. Я шагнул в сторону, чтобы ему не мешать, и понаблюдал, как собрат-землянин подпрыгивает и пытается зацепиться за край. Это ему удалось только с третьего раза. Подтянувшись, парень прильнул лицом к решетке и замер, уставившись в чужое небо. Полминуты оказалось достаточно для осознания ошеломляющего факта. Когда попаданец номер два спрыгнул на пол, я поинтересовался:

– Убедился? Или будешь кричать, что это все розыгрыш, и примешься искать скрытую камеру?

– Убедился, – буркнул парень и уставился на меня: – А ты сам-то кто?

– Неужели ты так сильно ударился, что уже не помнишь, за кем полквартала гнался? – иронично спросил я.

– Так это все из-за тебя, падла! – со злостью произнес гопник, а затем ударил меня в живот.

Подобного я совсем не ожидал, а потому, не успев отреагировать, согнулся пополам от боли. Парень тут же попытался добавить мне коленом в лицо, однако я смог подставить руки и кое-как заблокировал удар, а затем, пока гопник не догадался заехать по моей многострадальной голове, врезал ему между ног. Он охнул, а я выпрямился и произвел сильный и точный тычок в солнечное сплетение противника. После этого мне осталось завести руку землянина за спину и помочь ему рухнуть мордой на гнилую солому. Присев на хрипевшую тушку, я стал ждать, когда головная боль поутихнет, а урод капельку оклемается. Ведь наш разговор был еще не окончен.

Спустя некоторое время гопник сумел нормально вдохнуть и прошипел:

– Пусти, гнида! Больно!

Не спеша выполнять требование парня, я наклонился к его уху и проникновенно заявил:

– Похоже, ты не въехал в ситуацию. Ладно, объясню простыми словами, понятными даже дебилам. Мы хрен знает где. Кто и для чего нас сюда выдернул – неизвестно. Местные хотя и не стали нас убивать, но заботу и гуманизм проявлять не спешат. Проникся? Идем далее – ты мне не нравишься.

Полагаю, я у тебя симпатии тоже не вызываю, но больше в этом мире никто русским не владеет, поэтому, хочешь не хочешь, нам придется держаться вместе. Только тогда есть хоть какой-то шанс выбраться из этой задницы. Уяснил?

Гопник завозился, пытаясь сбросить меня со спины, но я лишь усилил нажим, вынудив его дернуться от боли и завопить:

– Да, да, уяснил! Отпусти!

– Вот и ладненько, – я ослабил хватку и поднялся с парня. – А теперь определимся с планами на будущее. Так как из нас двоих я куда лучший специалист по другим мирам («Еще бы, почти треть книги на эту тему прочитал!»), то твоя задача проста – сидеть и не рыпаться, пока я не разберусь в ситуации. Понял?

– Понял, – буркнул гопник, потирая руку.

– Тебя как звать?

– Антон.

– Я Ник. Вот и познакомились. Сейчас займи себе местечко и попытайся уснуть. Сокамерников не трогай. Пока это наш единственный источник информации, ни к чему их злить или раздражать.

Убедившись, что инструкции дошли до адресата, я вернулся под окошко и прислонился к прохладной стене, а Антон уселся на пол и принялся ощупывать разбитое лицо. Два старожила что-то мне сказали, но я даже по интонации не смог определить, чего они хотят, поэтому отвечать не стал.

Видя, что я не реагирую, больше со мной заговаривать никто не пытался, но между собой сокамерники вяло общались еще минут пять, судя по всему, комментируя увиденное. Я же попытался продолжить размышления, так невежливо прерванные пробуждением Антона.

Вот же послал бог напарничка! Для меня он бесполезен, с какой стороны ни погляди. Рукопашным боем не владеет, и в драке на него надежды мало. Мозгов практически нет, как и знаний, иначе не стал бы связываться с подобной компанией. Доверия не вызывает абсолютно, а значит, положиться я на него не могу. Да и гонору чересчур много, поэтому даже роль простого исполнителя ему не подходит. Это сейчас парень ошарашен и подавлен новостью о перемещении в другой мир, поэтому быстро принял мое командование, а как освоится – сразу начнет бунтовать. М-да...

Но вернемся к хозяевам этого места. Кто они такие и чего от них ожидать? Судя по тому, что я видел в комнате прибытия, порох жители этого мира еще не изобрели, иначе встречали бы «попаданцев» со «стволами», а не с саблями и копьями, но уже умеют пользоваться электричеством, судя по лампам на стенах и порталу в другую вселенную. На этом с фактами все, переходим в область догадок. Почему после перемещения мы очутились в камере? Возможно, ждали совсем не нас, просто местные Кулибины ошиблись в расчетах и случайно открыли проход на Землю. Возможно, был пробный запуск пробивающей пространство машины, а что де-

лать с пришельцами, экспериментаторы не решили и во избежание запихнули нас в карцер.

Навскидку я мог назвать еще несколько вполне логичных объяснений, подтвердить или опровергнуть которые не позволяло отсутствие самой элементарной информации. Да, это вам не фэнтезийный роман, в котором местные жители на первых же пяти листах подробно рассказывают «попаданцу» обо всем, что его интересует. Это реальная жизнь, где брата по разуму встречают ударом по голове.

Идем дальше. Если предположить, что здесь развитая цивилизация, внимание местных наверняка привлечет мой мобильник, а значит, должен последовать разговор по душам. Но что-то меня настораживал этот грубый средневековый антураж. Ведь и ткань моей одежды похожа на первосортную мешковину, и стены камеры сложены из плохо отесанного камня, что наталкивало на очевидную мысль – тутошные технологии находятся на уровне, близком к плинтусу.

Можно, конечно, допустить, что это тюрьма, для заключенных которой не стали бы сильно напрягаться, а в остальном мире все выглядит значительно цивилизованнее, но существовала одна мелочь, которая эту теорию опровергала на корню. Я заметил, что толстые железные прутья, перегородивающие окошко, были коваными. Не отрезанными от длинного идеально ровного прута определенного диаметра, доставленного с ближайшего сталелитейного завода, а выкованными вручную, наспех, при помощи обычных молота и

наковальни. Именно эти ржавые железки не давали мне поверить в то, что в этом мире процветают высокие технологии.

Что ж, если так оно и есть, все равно можно надеяться на лучшее. Осмотрев мои шмотки, оценив качество ткани, застежки-молнии на куртке, материал ботинок, найдя мобилку и все прочее, что было у меня в карманах, местные просто обязаны уделить мне внимание. Вдруг я смогу создать и им нечто подобное? Значит, остается только ждать реакции хозяев и попытаться убедить их в своей полезности.

И это у меня получится, ведь я могу подарить им порох, двигатель внутреннего сгорания, и вообще устроить научно-техническую революцию. Все-таки время в вузе не было потрачено зря, да и сам я много чем интересовался, в свободное от работы время смотря не сериалы, а научно-популярные передачи. Так что знания у меня имеются, а соображалка, которая поможет воплотить их в жизнь и устроить себе обеспеченное будущее в этом мире, обязательно найдется.

Ведь о возвращении на родную Землю можно и не заикаться. Ну не верю я, что хозяева этого места будут ради нас открывать портал... или как этот смерч называется? Если нужда в нас отпадет, аборигенам будет проще прикопать нас поглубже, нежели возиться с возвращением, поэтому напрасных иллюзий можно не строить. Путь домой закрыт навсегда... Хотя нет. Если все сложится удачно и я смогу достичь в здешней социальной лестнице определен-

ной ступеньки, которая даст необходимый вес в обществе, можно будет вернуться к этому вопросу.

С такими мыслями я неожиданно заснул. Нет, будет правильнее сказать, отключился. И немудрено – получить такой удар по башке, и чтобы без негативных последствий для здоровья, нереально. Это только в недочитанной книге героя старательно лупили по черепушке всем, чем только можно (от палки до трактирной лавки), а он только недовольно морщился (что и понятно – сотрясаться там было нечему). В реальной жизни все куда серьезнее, и уж если принял удар на эту часть тела, будь готов к не особо приятным ощущениям.

Разбудил меня разговор сокамерников. Открыв глаза, я обнаружил, что наступило утро. Солнечные лучи под острым углом проникали в камеру, наполняя ее ярким светом, поэтому сейчас я мог рассмотреть место, где очутился, во всех деталях. Небольшая дверь в противоположной от окошка стене была сделана из дерева, оббитого темным металлом. Ее грубые петли подтверждали мой вывод. В углу камеры виднелось отверстие в полу, источавшее миазмы результатов жизнедеятельности заключенных. Оно было небольшим, надо полагать, чтобы исключить вероятность побега с помощью канализации, но именно поэтому некоторые не особо точные узники умудрились основательно загадить этот угол, добавив прелести в окружающий пейзаж на радость большим зеленым мухам.

К слову, самих заключенных оказалось девять. Все они

были мужского пола, от пятнадцати до примерно сорока лет. Судя по растительности на лицах, сюда они угодили никак не меньше недели назад, а судя по комплекции, были представителями разных профессий. Я сразу вычленил троих, обладающих накаченной мускулатурой, имевших застарелые шрамы на лице и прочие признаки бывалых вояк, которых стоило опасаться. Кто знает, что может взбрести в голову этим уголовникам? А вдруг они почувствуют угрозу в моем лице и вздумают приструнить новичка? Остальные были не такими колоритными и ничем особенным не выделялись.

Антон еще спал, тихо похлюпывая расквашенным носом, и демонстрировал мне лицо, покрытое подсохшими кровавыми разводами. Поглядев на него, я осторожно поднялся и принялся разминаться. После ночи, проведенной в сидячем положении, опираясь на неровные камни, мое тело страшно затекло. Разгоняя кровь, я порадовался тому, что головокружение уже не ощущалось, а боль в черепе отступила на второй план. И даже шишка на затылке вроде бы уменьшилась, что добавило мне оптимизма. Почувствовав себя лучше, я подпрыгнул и снова выглянул в окошко, надеясь рассмотреть то, что не подметил ночью.

Этот обзор принес несколько новых открытий. Во-первых, я выяснил, что здешнее солнце почти не отличается от светила моего мира, только выглядит немного большим (хотя я бы не особо удивился, если бы оно оказалось зеленого цвета). Во-вторых, узнал, что камера находится в подвале, а

само здание располагается на невысоком холме. В-третьих, определил, что здание стоит посреди безлюдной степи. Во всяком случае, с этой стороны других построек не наблюдалось, а холмистая, покрытая разными травами и весьма редкими кустиками степь уходила за горизонт.

Все эти открытия ровным счетом ничего не дали, поэтому, отчаявшись увидеть что-нибудь полезное, я спрыгнул на пол и воспользовался туалетом. Сделав свои дела, вернулся на место и попробовал завязать разговор с соседом. К сожалению, язык жестов помогал не особо, поэтому я лишь выяснил, что тюрьма, в которой мы обретались, довольно большая, и хозяев здесь почти три десятка. На большее терпения не хватило ни у меня, ни у сокамерника, который, судя по резкой тираде, послал меня куда подальше и больше не обращал внимания на мои телодвижения. Жаль, он так и не смог мне объяснить, зачем нас сюда посадили... или это я неправильно спрашивал?

Больше я попыток пообщаться не делал, а спустя полчаса проснулся Антон. Несколько минут потребовалось парню, чтобы вспомнить вчерашние события и убедиться, что камера ему не мерещится, после чего он со стоном поднялся, присел на корточки напротив меня и мрачно поинтересовался:

– Что будем делать?

– Ждать, – ответил я.

– А ты уже придумал, как нам отсюда выбраться и попасть домой?

– Да.

Лицо Антона засветилось надеждой:

– И как же?

– Сперва убедить местных, что мы будем им полезны.

Надежда погасла, не успев окрепнуть. Парень разочарованно уточнил:

– И это все?

– А ты что хотел? Еще до обеда сбежать из камеры, разобратся с охраной, найти устройство, создающее межмировые порталы, запустить его и оправиться на Землю? Так ведь это не компьютерная игрушка, у нас даже первый пункт плана выполнить не получится, не говоря уж об остальных. И все мысли о доме придется оставить до лучших времен. А на всякий случай запомни: если хозяева этого места захотят с тобой пообщаться, всеми способами показывай, что хочешь им служить. Кланяйся, руки молитвенно складывай... или еще что-нибудь придумай.

– Что?! – возмутился Антон. – Никому я служить не хочу!

– Тогда тебя сразу пустят в расход.

– Почему?

– Да потому что ты станешь не нужным. А отношение местных к человеческой жизни не такое трепетное, как на Земле.

– Откуда ты знаешь? – хмуро спросил парень.

– От верблюда! Помнишь своего приятеля, с которым ты меня догонял? Конопатый такой, с колечком в ухе? Так вот,

аборигены ему голову отрезали, и поверь, никакого сожаления или раскаяния в тот момент на их лицах я не заметил.

После моих слов Антон посмотрел на меня с ошеломлением, как бы спрашивая, а не вру ли я. В ответ я уставился ему в глаза с вызовом. Ну да, немного искажил факты, но попробуй опровергни мою версию событий! Антон спорить не стал и взгляд отвел, что мне и нужно было. Для закрепления успеха я приказал:

– В общем, если хочешь выжить, гонор свой поумерь. Не та сейчас ситуация, чтобы бессмертную строчку о рабах из советских букварей вспоминать. В этом мире мы находимся как раз на данной ступеньке социальной лестницы, так как прав у нас еще меньше, чем у этих заключенных. Я хочу, чтобы ты это четко уяснил и, если вдруг потребуетя поцеловать кого-нибудь из хозяев в пятую точку, не вздумал показывать свое недовольство, а наоборот, изобразил счастье от оказанной тебе чести. Понял?

Парень незатейливо выругался, но возражать не осмелился. Ну и ладненько, надеюсь, основные правила игры он запомнил и теперь не доставит мне неприятных сюрпризов. Ведь хозяева вполне могут допрашивать нас по отдельности, и нет гарантии, что они не начнут именно с Антона, который способен выкинуть нечто неожиданное и испортить все дело. Но после нашей беседы можно рассчитывать, что парень проявит благоразумие и не станет преградой на пути нашего плодотворного сотрудничества с местными.

Обеспечив себе дополнительные гарантии успеха, я слегка расслабился и настроился на долгое ожидание. Если наше перемещение состоялось поздней ночью, можно предположить, что хозяева оставили подведение итогов и разбор полетов на утро. Значит, накинуть пару часов на обсуждение, чашек на осмотр иномирных вещей... короче, гостей нам стоит ждать к обеду, не раньше, а пока стоит придумать, как с ними объясняться. Если даже сокамерник мой язык жестов понимал с трудом, то нужно выбрать такие телодвижения, которые гарантированно продемонстрируют хозяевам мое искреннее желание на них работать.

В общем, я ушел в себя, а Антон принялся исследовать камеру. Первым делом посетил отхожий угол, затем полюбовался на местное светило из окна, после попытался соорудить себе мягкую подстилку из соломы, поцапался с одним из сокамерников в безуспешной попытке отвоевать место у стенки и с отсутствующим видом улегся на полу.

К слову, я отметил, что все заключенные давно подыскали себе определенное жизненное пространство – своеобразный ареал не больше пары квадратных метров, и никаких поползновений на чужую территорию не устраивали. Большинство сидели у стен, а двое, как и Антон, расположились посреди камеры. Как я понял, самыми привлекательными считались места подальше от туалета, никто не пожелал сидеть у двери, да пятачок под окном до моего появления отчего-то оставался не занятым. Почему так вышло, я не сообразил, но не стал

размышлять над этим, уделив внимание деталям поважнее.

Спустя час за дверью послышались голоса. Похоже, кто-то надумал посетить заключенных. Судя по времени, которое понадобилось визитерам, чтобы добраться до нашей комнаты, коридор за дверью был немаленьким, так что я даже задумался, как много камер насчитывает эта темница и сколько всего в ней томится узников. Мои сокамерники немного оживились, но долго гадать, отчего, не пришлось. Раздался лязг отодвигаемого засова, и в камеру вошел один из хозяев.

Оглядев его, я понял, что серое одеяние типа просторного балахона с капюшоном является эталоном местной моды. В руке вошедший сжимал обнаженную саблю. Пробежавшись взглядом по присутствующим, он убедился, что никто на него нападать не собирается, и отступил в коридор, давая дорогу второму, который носил аналогичный серый балахон и держал в руках два больших чугушка с железными ручками. Я едва сдержал разочарованный вздох. Это пожаловали не по наши с Антоном души, а всего лишь принесли заключенным завтрак.

Поставив чугушки посреди камеры, раздатчик развернулся и вышел, по пути не отказав себе в удовольствии пнуть сапогом в бок ближайшего зека. После этого дверь камеры закрылась, а наши сокамерники потянулись к чугушкам. Мой желудок живо напомнил, что почти сутки без пищи – это совсем не хорошо, поэтому я встал и присоединился к остальным. В первом чугушке оказалась вода, чистая и прохладная,

а во втором нечто, очень напоминающее корм для свиней. Точно такая же однородная неаппетитная масса, состоящая из какой-то каши, зерна, мелко нарезанных овощей и наверняка разных объедков с барского стола.

– И это дерьмо мы должны есть?! – возмутился Антон, заглянув в чугунок.

– Заставлять тебя никто не собирается, – буркнул я и, по примеру сокамерников, зачерпнул полную горсть этого корма.

На ладони он казался еще отвратительнее, но мой желудок справедливо заметил, что внешний вид – не самое главное. Справившись с брезгливостью и прогнав мысли о дизентерии, я отправил добычу в рот. Пожевав кашу, я признал, что Антон был недалек от истины – вкус у варева оказался донельзя отвратительным. Вдобавок в нем попался камешек, о который я едва не сломал зуб. Но альтернативы не было, поэтому я вновь зачерпнул ладонью кашу и постарался глотать ее, особо не жуя, как это делали остальные.

Кстати, на удивление, никакой драки за еду не наблюдалось. Заключение опускали руки в чугунок по очереди, никто не пытался отпихнуть товарища от кормушки и вообще, все выглядело весьма культурно... Ну, насколько это было возможно в данной ситуации. Правда, кое-кто попытался было влезть сразу двумя руками, но тут же получил затрепину от одного из воинов, и я сразу понял, кем поддерживался порядок в камере.

Глядя на меня, Антон сделал второй подход к чугунку и с выражением глубокого отвращения на лице подцепил щепотку со дна, на пробу. После долгого рассматривания субстанции на своих пальцах, он сунул ее в рот, пару секунд пожевал и внезапно кинулся к отхожему углу. Там парня вывернуло под смешки сокамерников, а я недовольно поморщился и зачерпнул еще одну горсть.

Ты погляди, какой привередливый! Гурман, блин! А если это ежедневная еда обитателей этого мира? Понятно, что данное предположение никакой радости не вызывало, но было вполне возможным. В любом случае, я все равно сомневался, что где-то здесь умеют готовить борщ с пампушками, к которому парень привык дома. Ну, ничего страшного! Поголодает немного, будет и помои с удовольствием хлебать, да еще и добавки требовать.

Когда котелок опустел, я принял из рук воина второй и запил свой нехитрый завтрак, после чего вернулся на свое место. Остальные тоже расселись, не обращая особого внимания на страдания Антона, который все еще отплевывался над дыркой в углу. А спустя несколько минут вновь слышался звук отодвигаемого засова, и в камеру заглянул стражник с мечом. Оглядев нас, он дал возможность зайти второму, который пришел за чугунками. Именно в этот момент оскорбленный до глубины души Антон решил выплеснуть свое возмущение. Повернувшись к человеку в сером, он воскликнул:

– Мля, урод, что за дерьмо ты принес? Мы, по-твоему, последние свиньи? Да ты сам вообще это пробовал? Или...

Я не знаю, что еще хотел сказать конкретно слетевший с катушек парень. Его гневная тирада была прервана человеком в балахоне. Нет, он не врезал землянину под дых, не заехал кулаком по челюсти и не стал размахивать ногами в попытке от души пнуть обнаглевшего заключенного. Он просто вытянул в сторону Антона руку, а в следующее мгновение с его пальцев сорвался маленький сверкающий шарик, который коснулся груди парня.

Тело бедолаги будто пронзил электрический заряд, оно выгнулось дугой и рухнуло на пол, продолжая корчиться. Поглядев с довольной улыбкой на страдания Антона, человек в сером подошел к упавшему и принялся избивать его ногами. Старательно и, я бы даже сказал, с наслаждением. Спустя десяток ударов, когда тело Антона дергалось уже не так сильно, он решил, что нужный воспитательный эффект достигнут, поднял чугунки и с довольной миной вышел в коридор.

Когда дверь камеры закрылась, я подошел к парню и убедился, что тот еще жив, хотя и без сознания. Ощупав его тело, по которому изредка пробежала судорога, я понял, что стражник ничего Антону не сломал. Видимо, давно научился рассчитывать силу ударов, что говорило о немалой практике. Приводить борца за права заключенных в чувство я не стал – незачем было ерундой страдать. Вместо этого я вернулся под окошко и принялся размышлять над увиденным,

в корне изменившим ситуацию.

Итак, жители данного мира владеют магией. Ведь я не заметил в руке стражника никакого электрошокера или иного хитромудрого приспособления. Он просто сложил пальцы по-особому и выпустил нечто, напоминавшее маленькую шаровую молнию, давшую такой поразительный результат. В общем, можно с уверенностью заявлять – наш перенос осуществился с помощью магии. Но тогда появляется логичный вопрос: захотят ли хозяева этого места с нами общаться? Заинтересуются ли вещами с Земли и додумаются ли до мысли получить способ их производства?

Что-то мне подсказывало, ответ в данном случае вряд ли будет положительным. Зачем аборигенам стараться и развивать технологию, если есть иное направление прогресса? Зачем изобретать огнестрельное оружие, если магия гораздо надежнее и наверняка дешевле? Зачем общаться с иномирцами, которые и языка-то не знают, а значит, ничего полезного рассказать не смогут? Разумеется, незачем.

Кроме того, эти одинаковые серые балахоны родили в моей голове мысли о религиозной секте. По уму, у тюремных стражников должна быть своя форма или просто одежда, которая не будет мешать действовать копьем или саблей, но они расхаживают в том же, что и маги, а это лишь подтверждает мою догадку. Разумеется, нас могло забросить в некое обособленное от цивилизации общество, члены которого не имели большого выбора нарядов, но даже тогда в нем

должны существовать какие-то различия в одежде для, скажем, простых рабочих и начальников, а я их не заметил. Все виденные мной хозяева были в одинаковых бесформенных одеяниях, очень напоминавшие рясы монахов, что ставило крест на моих мечтах о светлом будущем.

Если я угодил к религиозным фанатикам, можно не надеяться, что мой мобильник послужит предлогом для допроса. Наверняка сперва они попытаются в нем разобраться, а когда не получится, торжественно объявят изделие трудолюбивых китайцев «дьявольской вещью» (или кто там у них на стороне зла?) и либо запрячут его подальше, либо уничтожат. В таком случае мои дела плохи, ведь с религиозными фанатиками я сталкивался и на Земле, после чего сделал единственный вывод: от подобной братии следует держаться как можно дальше, поскольку практически невозможно понять, что творится у них в голове, и предположить, как они поведут себя в той или иной ситуации.

Печально. А еще печальнее то, что Антон оказался идиотом, на которого не то что рассчитывать нельзя, но даже находиться рядом крайне опасно. Надо же, я так долго распинался, убеждал, разжевывал ему правила поведения, давал четкие инструкции, а он пропустил все мои слова мимо ушей! Радовало лишь то, что парень сполна получил за свою самодеятельность, иначе его воспитанием пришлось бы заниматься мне.

Нет, я прекрасно могу его понять – стресс, вызванный по-

следними событиями, завтрак, где он получил впечатлений по самое не балуйся и стал объектом насмешек. Но это же не является уважительными причинами такого безответственного поведения! Ведь маг мог швырнуть не одну, а одиннадцать шаровых молний, за проступок одного наказав всю камеру. Вот тогда было бы весело! Эх, правильно люди говорят: мозгов нет – считай, калека.

Признав, что дальнейшее общение с коллегой-«попаданцем» не имеет смысла, я принялся размышлять на тривиальную тему: что делать? Недостаток необходимой информации привел к новой попытке установления контакта с сокамерниками. Спустя час интенсивного размахивания руками, изображения на полу схем с помощью соломинок и всего прочего, я выяснил, что здание, в котором мы обретались, не единственное в округе. Были еще какие-то мелкие постройки, где тоже жили люди, причем, насколько я понял, не все из них были монахами, некоторые являлись обычными рабочими. Довольно далеко отсюда находились крупные города, в которых не было людей в рясах. Если я правильно истолковал жесты пожелавших общаться узников, раньше они жили именно там, но были схвачены и посажены в эту камеру. Причину этого я выяснить не смог, и решил устроить перерыв в расспросах.

Вскоре очнулся Антон. Тихо поскуливая, он принялся растирать свои отбитые бока. Его мучения никакого сочувствия ни у меня, ни у остальных не вызывали. А когда вроде

бы пришедший в себя парень попытался пожаловаться окружающим на вопиющую несправедливость, используя матерный лексикон, я приказал ему заткнуться. Этот идиот с первого раза не внял, поэтому пришлось пообещать, что в случае непослушания я с большой радостью обеспечу ему отключку еще на пару часиков. Антон проникся и замолчал, изредка с неприкрытой злостью поглядывая на меня.

До самого вечера больше ничего не происходило. Я размышлял, узники лениво переговаривались, а Антон дулся себе тихонечко. Когда за окном начали сгущаться сумерки, те же самые стражники вновь принесли нам чугушки с едой и водой. Маг с ласковой улыбкой поглядел на парня, забившегося при его появлении в угол, но бить его или снова швыряться светящимися шариками не стал, удовлетворившись щенячьим страхом в глазах землянина.

На этот раз варево было еще более отвратительным. Мне даже попался длинный волос, который я вытянул изо рта, с трудом удержав там все остальное. Антон, испытывая жуткий голод, попытался схитрить. Набрав пригоршню каши, напоминавшей недоваренную овсянку, он принялся выкидывать из нее все, на его взгляд, лишнее. В первый раз вроде получилось, но потом парень получил смачный подзатыльник от одного из вояк, который строго приказал ему не маяться дурью. Это даже на чужом языке было понятно. Антон попытался было возмутиться, но второй подзатыльник лишил его и желания спорить, и аппетита. С трудом запихнув

в себя вторую горсть варева, парень едва удержал рвотные позывы и отказался от продолжения банкета.

Остальные быстро опустошили чугунок и расселись по местам. А когда стражник забрал тару, не отказав себе в удовольствии пнуть хиленького мужичка, в этот раз оказавшегося ближе всех, и дверь камеры закрылась, я понял – никто из хозяев не захочет со мной общаться. Надежда вызвать их интерес и тем самым обеспечить себе сладкую жизнь временно почила, подергавшись напоследок в предсмертных конвульсиях. Теперь я не знал, что меня ожидало, и это было отвратительнее всего.

Глава 3

Планы и их реализация

До самой ночи я размышлял, зачем вообще хозяевам этого места нужно держать заключенных. Вряд ли они стали бы просто так кормить и охранять десяток человек. Значит, имели на нас определенные планы. Но какие? Использование узников в качестве дешевой рабочей силы отпадало, так как уже сутки никого не забирали из камеры. Что, дел по хозяйству не нашлось? Верится с трудом. Полагаю, даже если бы никакой подходящей работы не было, заключенных обязательно заставили бы попотеть на уборке территории или подыскали любое другое бессмысленное занятие. Просто чтобы те не расслаблялись. А раз этого не случилось, данный вариант неверен.

Тогда зайдем с другой стороны. Может, я угодил в обычную тюрьму, где преступники мотают свои сроки, или очутился в камере предварительного заключения, где задержанные дожидаются суда? И тогда люди в серых балахонах – не религиозная секта, а всего лишь исполнительная власть этого мира... Хотя нет, данное объяснение тоже грешит надуманностью. Во-первых, контингент не тот – настоящие урки так себя не ведут, а в культурных и образованных преступников, не устраивающих драку из-за еды, не пытавших-

ся продемонстрировать новичкам свою власть, мне что-то не верилось.

Да и как же тогда рассматривать наше похищение? Что, из тюрьмы сбежала парочка эков, и чтобы начальство не разозлилось, охранники быстро создали межмировой портал и добыли с его помощью первых попавшихся неудачников в качестве замены? В принципе, возможно, так как мы языка не знаем, объяснить ничего не сумеем, и если узников тут считают по головам... Нет, это полный бред. Никто не станет так суетиться из-за двух обычных заключенных, а необычных охраняют много тщательнее, и вариант с подменой не прокатит.

Значит, можно перейти к третьему объяснению – узники нужны сектантам для каких-то религиозных целей. Каких – можно не загадывать, тут вариантов масса, и все они не сулят ничего хорошего. В лучшем случае, всех нас держат для основательной промывки мозгов и последующего посвящения в ряды послушников, адептов... ну, или кто там у них, а в худшем – для участия в каком-нибудь религиозном обряде или ритуале. Причем в роли жертвы, которая хотя и является одной из главных в подобных действиях, но, как правило, заканчивает смертью.

Как ни печально, последнее объяснение показалось мне наиболее вероятным, приводя к вполне логичному выводу – надо отсюда лиять. И чем скорее, тем лучше. Но как это сделать? Окно камеры перегорожено стальными прутьями.

Если мне каким-то чудом и удастся их выковырять, все равно размеры отверстия в стене слишком малы, чтобы рассматривать его в качестве пути на волю. Устраивать подкоп, как это делал герой Дюма? Но я быстро убедился, что раствор, скрепляющий камни стен, был весьма надежным, а никаких инструментов у меня под рукой не имелось. Да и глупо было так поступать. Это Дантесу делать было не фиг, поэтому он вместо того, чтобы грохнуть охранника, годами стены колупал, а нормальный человек выберет кратчайший путь на свободу.

Правда, в моем случае этот путь так далек, что с аналогичным успехом может привести на тот свет. И все маги, чтоб им пусто было! Эти долбаные Гарри Поттеры без палочек могут за секунду скрутить меня в бараний рог, при этом не прилагая больших усилий. А если вспомнить обычных стражников, становится совсем грустно. Ведь я отдавал себе отчет, что со своими начальными знаниями рукопашного боя точно не способен совладать с опытными вояками, вооруженными саблями и копьями.

Внезапно мне пришла замечательная мысль. А если я буду не один? Нет, я не говорю об Антоне – от него будет больше вреда, чем пользы. Что, если вовлечь в побег остальных заключенных? Обдумывая эту идею, я оглядел их и насторожился. Пока я предавался размышлениям, поведение сокамерников сильно изменилось. Если ранее их разговоры были вялыми и короткими, то сейчас общение оживилось. Раз-

горелись настоящие дебаты, которые отчего-то велись полупшепотом. Тон в них задавала троица воинов, именно они настойчиво убеждали в чем-то всех остальных. Понаблюдав за переговорами, я отметил, что узники частенько поглядывали на меня и Антона, который успел снова заснуть, свернувшись на полу калачиком. Эти взгляды мне очень не понравились, так как я не мог понять, что у аборигенов на уме.

Делая вид, что продолжаю витать в облаках, я краем глаза следил за переговорами, которые вскоре завершились, по видимому, безоговорочной победой троицы. Все замолчали и стали устраиваться на ночлег (хотя что там было устраиваться – подгрести соломку под бок или свернуть рубашку, сделав из нее некое подобие подушки!). Я же принялся гадать: что обсуждали узники и чего теперь от них стоит ожидать? Решили устроить нам «темную» или чего похуже, связанное с принудительной сменой половой ориентации? Мда, пришла беда, откуда не ждали! Теперь мысли о побеге придется оставить и ждать развития событий. А в том, что оно должно последовать, я не сомневался.

На всякий случай я около часа старательно изображал спящего, контролируя свое дыхание и следя за сокамерниками сквозь полуприкрытые веки. Но эта предосторожность оказалась излишней. Все узники мирно спали, изредка ворочаясь во сне и негромко похрапывая, никто нападать на меня не собирался. Тогда я разрешил себе немного расслабиться и тут же отключился, а проснулся уже утром, когда

в окошко начало заглядывать восходящее солнце. Помассировав затекшую руку, я вернул ей чувствительность и слегка размялся. Затем посетил отхожий угол, потревожив рой мух, высказавших мне свои претензии недовольным жужжанием, и снова вернулся на свое место. Остальные уже давно проснулись, но никакой угрозы не демонстрировали, поэтому я оставил опасения, хотя периодически ловил на себе косые взгляды сокамерников.

Спустя несколько часов принесли завтрак. Меня очень удивило то, что когда человек в сером балахоне ставил на пол знакомые чугунки, узники больше внимания уделяли не ему, а мне с Антоном. Кстати, в этот раз парень не стал привередничать и не прилагал большие усилия для того, чтобы справиться с рвотными позывами. Видимо, голод окончательно победил брезгливость.

Сегодня в каше было много зелени. Но не овощей или петрушки с укропом, а какой-то безвкусной сорной травы, которую наверняка покрошили лишь для увеличения объема. Скажу честно, от этого вкус завтрака в худшую сторону не изменился, хотя некоторые сокамерники досадливо морщились, работая челюстями. Я же старался только набить желудок, не обращая внимания на состав варева. Трава – это ерунда! Мне дед рассказывал, что их взвод на войне месяц одними лопухами питался, и ничего – все выжили... Ну, кто под немецкие пули не попал.

По старой традиции, уходя, стражник немного попинал

одного из узников. На этот раз жертвой оказался воин, который закрывался от пинков руками и боязливо вжимался в пол. И хотя глаза его говорили о том, что он этого мага готов был порвать в клочья, пленник не сопротивлялся, терпеливо принимая все удары. Когда же дверь камеры закрылась, воин что-то прошипел вслед стражникам и подошел ко мне. Попросив моего соседа подвинуться, мужик присел рядом и начал знаками спрашивать, не хочу ли я отсюда уйти.

Видя мое огромное удивление, воин принялся задавать тот же вопрос, используя другой набор движений, но я остановил его и выразил свое согласие, втайне ликуя. Так вот о чем они вчера совещались! Однако вовремя. Только я начал думать о побеге, как мне предоставили отличную возможность в нем поучаствовать. Повезло, ничего не скажешь. Да, выбраться одному мне не светило в любом случае, но сбежать в составе большой команды, члены которой наверняка владеют клинками, знают окружающую местность, могут ориентироваться в этой тюрьме и понимают, куда нужно двигаться – это вполне реально.

Уразумев, что я всячески поддерживаю его креативную идею, воин представился Архом и принялся выпытывать у меня, что я умею. Я показал, что без оружия могу справиться лишь с обычным человеком, но не профессиональным воином, клинком вообще не владею, зато могу метать ножи. И это была чистая правда. Хоть мой отец и пытался подтянуть мои навыки до уровня профессионального бойца, но ника-

кой поддержки не получил. Пробежки по утрам – да, в них я давно научился находить удовольствие, но тренировки и отработка ударов – это было не мое. Драться я никогда не любил, а в спаррингах постоянно получал весьма болезненные плюхи, напрочь отбивавшие желание заниматься дальше. Я ведь не мазохист, откуда тут взяться приятным ощущениям?

В общем, когда мне стукнуло пятнадцать, у нас состоялся серьезный разговор на повышенных тонах, после которого отец больше не пытался таскать меня в спортзал и не заставлял выполнять роль груши. Зато научил метать ножи, вилки, лезвия и прочие колюще-режущие предметы вплоть до сюрикенов. А вы наверняка и не знаете, как именно нужно бросать вилку, чтобы она превращалась в оружие? Я тоже не знал, но когда батя это продемонстрировал на нашей деревянной хлебнице, понял, что «один удар – четыре дырки» это не только смешной анекдот.

Данное занятие сразу пришлось мне по душе, руку я набил быстро, а в острые самурайские звездочки вообще влюбился и долго таскал их с собой, порвав не один карман. Конечно, до отца, который мог лихо метнуть даже заточенный карандаш, мне было далеко, но в цель на расстоянии пяти метров я мог попасть любым ножиком. Именно это я и постарался втолковать Арху. Судя по его лицу, от меня он ожидал большего, ведь в камере, кажется, оказались только три хороших мечника, чего было маловато для ударного кулака группы.

Посоветовавшись с товарищами, воин с помощью соломинок на полу стал демонстрировать мне свой план. Итак, когда подходит время ужина, я сажусь у правой стены, поближе к двери, а потом набрасываюсь на мага с котелками и убиваю его. В это время трое вояк кидаются к двери и валят стражника с мечом. После этого они берут его оружие и с остальными бегут по коридору к выходу из темницы, которую должны охранять еще двое вояк, ликвидируют их...

Именно в этот момент я решительно прервал Арха. Нет, такой план меня категорически не устраивал. Было ясно, что мной они хотели пожертвовать, нацелив на мага и обеспечив себе несколько секунд форы. Видимо, они ни капельки не верили, что мне удастся его завалить, а потому для гарантии обеспечили себе буфер из прочих узников, которые своими телами станут загораживать вояк от магических атак в то время, пока они несутся по коридору. Также меня смущало то, что при этом поднимется тревога, а тюрьму нам нужно было покинуть, по возможности, бесшумно. Драться со всеми обитателями данного места – это в высшей степени самонадеянно.

Нет, я допускал, что вояки понимают тщетность своей затеи и хотят если не выбраться, то захватить с собой на тот свет как можно больше охранников, но их устремления меня не привлекали. Поэтому я подумал немного и предложил свой план. Арх становится у стены рядом с дверью, а когда она открывается и в камеру заглядывает стражник, хватается

того за руку, втягивая к нам, вырывает меч и с его помощью убивает мага с котелками, пока безоружного добивают остальные. Я в это время достаю из ножен стражника кинжал и вместе с Архом бросаюсь к выходу, а там постараюсь завалить одного охранника. Ну а дальше ждем, пока подтянутся остальные, распределяем трофейное оружие и двигаемся дальше. Если все сделать быстро, никто даже не успеет поднять тревогу.

Мой план организатору побега почему-то не понравился, он принялся упираться и доказывать, что это я должен валить именно мага. Но я показал Арху, что геройствовать не намерен и заявил – или меня берут в качестве метателя кинжалов, или группа прорывается без моего участия. Это заставило воина недовольно поморщиться. Он даже кивнул на Антона, внимательно наблюдавшего за нами, и вопросительно взглянул на меня. В ответ я жестами сообщил, что он ничего не умеет, а нападать на мага не станет, потому что боится.

Осознав бесполезность парня и мое искреннее нежелание служить отвлекающим маневром, Арх долго совещался со своими, но потом изменил план, который теперь стал более приемлемым. Один его приятель набросится на мага, а я должен ему помочь, пока Арх со вторым будет заниматься стражником с мечом. Понятно, что при таком раскладе кому-то из воинов было суждено получить рану, возможно, весьма серьезную. Но добровольца на роль самоотверженно-

го героя, который ценой своей жизни лишит стражника оружия, в остальной массе узников отыскать было нереально.

Уточнив на всякий случай, куда нужно бежать, если повезет вырваться, я сообщил остальным, что свою задачу понял – как только маг умрет, мне дают кинжал и посылают к выходу. После этого вояки оставили меня в покое и принялись что-то разъяснять прочим заключенным. На освободившееся место подсел Антон:

– Чего они от нас хотели?

– Они планируют сбежать и попросили меня посодействовать, – ответил я.

– Сбежать? – обрадованно переспросил парень. – Давно пора! И чего столько тянули? Надо было еще вчера утром собраться всем вместе и завалить гадов, уже были бы на воле!

Я оглядел Антона и хотел поинтересоваться, он действительно такой идиот, или только прикидывается, но потом мысленно плюнул и решил не тратить слова. Горбатого могила исправит. Но вопрос он задал правильный: почему Арх с товарищами так долго тянули? Неужели опасались, что мы могли оказаться «засланными казачками»? Судя по всему, так оно и есть.

Воинам понадобились сутки, чтобы понять, что мы не притворяемся. Уж не знаю, поспособствовало ли этому странное поведение Антона, за неполный день умудрившегося получить взбучку и от меня, и от стражника, или же нечто иное, но вчера вечером сокамерники, уже не таясь от

нас, обсуждали возможность побега. А утром ждали реакции – станем мы докладывать о готовящихся планах хозяевам или промолчим.

– Ник, если мы отсюда сбежим, как потом попадем домой? – спросил парень.

Точно – идиот! Но открывать Антону глаза и объяснять элементарные вещи мне не хотелось, поэтому я уверенно ответил:

– Потом придумаем.

– А когда побег?

– Как только принесут ужин.

Парень задал еще несколько глупых вопросов, но потом все-таки докумекал, что к беседе я не расположен, и отстал. Лишившись его общества, я вздохнул свободнее и принялся размышлять над планом вояк, который казался мне чересчур авантюрным. Насколько я заметил, стражник с мечом всегда стоял далеко от двери, а проем был узковат и не давал возможности протиснуться сразу двум воякам. Значит, нападать они будут по очереди, что дает возможность легко с ними расправиться. Ведь саблю стражник предусмотрительно доставал из ножен до того, как открывать дверь. А у нас будет только одна попытка, ничего переиграть не получится, поэтому нужно продумать все до мелочей.

Закрыв глаза, я постарался вспомнить, как именно стоял стражник. Да, оставаясь в коридоре, он тем не менее всегда наблюдал за происходящим в камере, поэтому мог заметить

начало движения Арха. Ну а опытному человеку будет достаточно и мгновения, чтобы подготовиться к отражению атаки. Выходит, нужно чем-то его отвлечь, завладеть вниманием как раз на это мгновение, необходимое для броска. И как же это сделать?

Спустя полчаса, перебрав десятки вариантов развития событий и припомнив наставления отца, я придумал новый, с моей точки зрения, идеальный план схватки, после чего подошел к Арху и жестами попросил понаблюдать за мной. Дальше начался театр одного актера. Согнав всех в одну половину камеры, я разыграл великолепный спектакль, продемонстрировав свое видение событий, гарантирующих нам успешное преодоление первого этапа.

Итак, дверь открывается, заглядывает стражник с саблей, осматривает камеру, ничего подозрительного не замечает и уступает дорогу тому, что с чугунами. Маг заходит, ставит ужин на середину камеры и ищет взглядом, кого бы пнуть. В этот момент один из узников на коленях тянется к чугунку с водой. Разумеется, стражники настораживаются, но узник, не обращая на них внимания, поднимает тару и принимается утолять жажду, а спустя несколько секунд, когда и маг, и во-яка с саблей расслабляются, не обнаружив опасности, швыряет чугунок в последнего.

Это служит сигналом, по которому я и приятель Арха бросаемся на мага. Арх же атакует стражника, который (в случае удачного броска) принял на грудь тяжелый чугунок. Вот

и все. Поскольку маг будет стоять к нам спиной и для начала наверняка запустит нечто магическое в узника, метнувшего чугунок, у нас есть все шансы его убить. Ну а второй, судя по всему, магией не владеет, поэтому с ним тоже вполне реально справиться. При удачном исполнении никто даже пикнуть не успеет.

Завершив свою постановку в роли Арха, отобрав меч у воображаемого стражника и проткнув его, я не дождался заслуженных аплодисментов, показал, что представление окончено и вопросительно посмотрел на вояк. Те правильно истолковали мой взгляд и принялись обсуждать мою идею. На этот раз она имела успех, но Арх все-таки внес коррективы. Убивать мага будет один из его приятелей без меня. Мне же поручается прикрывать Арха в коридоре.

Возражать я не стал и вернулся на свое место под окошко, а остальные принялись по-новому распределять роли. Рослому бугаю выпало метать чугунок, но это и понятно – кроме него никто бы не справился. Прочим достались роли статистов или живого щита при неудачном раскладе. Соло в этой пьесе будем играть мы, но теперь она внушала мне куда больше уверенности, суля немалые шансы на успех. Жаль, остальное продвижение по зданию нельзя продумать так же тщательно. Что ж, придется положиться на профессионализм вояк и надеяться, что у главного выхода стоят стражники, не владеющие магией.

Потянулось томительное ожидание. Поначалу я скучал,

потом попытался подремать, чтобы к вечеру быть свежим и бодрым, прекрасно понимая, для чего побег запланирован на ужин. Если все сложится удачно, темнота станет нашим хорошим союзником, так как при свете солнца в степи, которую я видел из окна, не особо спрячешься. Но сон не шел, а спустя пару часов бесцельное времяпрепровождение было нарушено.

В темницу нагрянули стражники, которые, судя по доносившимся до нас звукам, привели в соседнюю камеру нескольких женщин. Нам тоже досталось пополнение – грязный, заросший, неопределенного возраста мужичок в равнине. Типичный бомж, источавший неземное благоухание, от которого хотелось повеситься. Нет, я не говорю, что мои сокамерники пахли Шанелью номер пять, и не утверждаю, что сам за время, проведенное в камере, не приобрел специфический «туалетный» запах, но этот мужик смердел так, что глаза слезились. Я удивляюсь, как вообще хозяева этого места решили его взять к себе. Ведь тюрьма всего за сутки может провонять сверху донизу!

Арх указал мужичку место «у параша» и принялся его о чем-то расспрашивать, пока остальные старались отодвинуться от бродяги подальше. Новенький что-то отвечал воину, судя по всему, рассказывая о том, где его взяли, и даже не морщился от запаха отхожего угла, который в сравнении с вонью годами не мытого тела начинал казаться мне ароматом. После допроса новичка Арх поговорил с женщинами в

соседней камере, сперва попытавшись докричаться до них из окна, а потом выяснив, что через дверь будет слышнее. Судя по голосам, доносившимся из коридора, их там было не меньше трех. Уж не знаю, что он у них выяснил, но после разговора воин хмурился и сжимал кулаки.

После недолгого раздумья Арх что-то приказал нескольким сокамерникам. Ясное дело – проводил изменения в плане, так как бросать женщин не хотел. Это меня не волновало, поскольку руководил затеей именно он, и, если уж решил взять в команду наверняка медленно бегающий балласт, спорить я не собирался. Лишь привлек внимание воина и уточнил, в силе еще наша затея или нет, машинально отметив, что изъясняюсь с помощью жестов все лучше и лучше. Арх подтвердил, что мои задачи остаются прежними, и я со спокойной совестью вернулся к скуке.

Время тянулось медленно, как это бывает при ожидании. Я уже не знал, чем себя занять. Успел продумать, сколько может весить кинжал на поясе у стражника, какая дистанция до мишени будет наиболее оптимальной, с учетом незнакомого лезвия, поволноваться по поводу навыков, так как не практиковался месяца три, и успокоиться, вспомнив старую поговорку о том, что опыт не пропьешь. А потом меня снова потревожили.

Что-то упало прямо на голову, затем скатилось по рубашке и очутилось на полу. Разглядев своеобразный подарок с небес, я понял, что это всего лишь большой жук, который

сейчас возился в соломе, стараясь перевернуться на брюхо. Помогая себе крыльями, насекомое достигло успеха и предстало мне во всей красе. Поглядев на жука, принявшегося деловито исследовать незнакомую территорию, я подставил ему руку, позволил забраться на свою ладонь и поднес поближе к глазам. Жук, размерами похожий на земных майских, был ярко-красным, с перламутровым оттенком хитинового панциря и причудливым желтым узором на нем, напоминавшим соты. Он вызывал восхищение и мог стать гордостью коллекции любого энтомолога.

От созерцания маленького чуда, ползавшего по ладони, меня отвлек возглас приятеля Арха. Того, кто должен был убить мага. Поглядев на жесты воина, я понял, что он просит отдать жучка ему. Жадным я не был и протянул к нему руку. Но дальнейшее поведение мужика очень меня удивило. Он максимально осторожно, стараясь ненароком не спугнуть насекомое, приблизил к нему свои пальцы, а затем как-то резко цапнул его, зажав, словно клещами. Кивком поблагодарив меня, воин вернулся на отведенное по плану место, не выпуская жука из пальцев, а затем что-то спросил у Арха, демонстрируя свой трофей. Тот ответил утвердительно, с некоторым удивлением поглядев на меня. Несмотря на любопытство, я не стал требовать объяснений, предположив, что в этом мире такие жуки очень ценятся.

Вскоре в коридоре послышались приглушенные голоса стражников. Близился час «икс». Заняв место, отведенное

по плану, я уставился в пол и приготовился. Поначалу все шло, как по нотам. Спустя поистине бесконечную минуту лязгнул засов, и дверь открылась, впуская знакомого стражника с мечом. Оглядев нас, он ничего подозрительного не заметил и посторонился, впуская мага. Тот прошел в камеру и поставил чугушки на пол, а я краем глаза отметил, как напрягся Арх с приятелями. Тут же к чугушке с водой поспешил бугай, который, не обратив внимания на дернувшегося мага, поднял тару и принялся из нее пить.

Признаю, это было самым слабым местом моего плана – ведь маг при возникновении угрозы запросто мог швырнуть шаровой молнией на упреждение. Но этого не произошло. Человек в сером огляделся, убедился, что никто на него нападать не собирается, и только хотел пнуть бугая, мстя за свой испуг, как тот швырнул чугунок в стражника, застывшего на пороге. Бросок вышел превосходным – бадья с водой, весившая не меньше пятнадцати кило, врезалась в живот стражнику и вынесла того в коридор. В этот же момент к магу подскочил приятель Арха и коснулся его шеи, а сам Арх метнулся к поверженному противнику.

А дальше в спектакле пошла какая-то отсебятина. Маг истошно завопил, как будто закалываемый кабан, рухнул на пол и принялся лихорадочно дергаться. Именно этот вопль привел к тому, что я на секунду замешкался, осознавая – теперь ни о какой внезапности речи не идет. Такой крик разве что глухой не услышит. Но делать нечего, надо играть теми

картами, которые попали в руки, и я бросился на помощь воину, который уже успел подхватить оброненную стражником сабельку и вонзил ее в брюхо своему противнику.

Однако, когда я метнулся к двери, наперерез мне кинулся бомж, спешивший к котелку с кашей. Об него я и споткнулся, причем крайне неудачно, с размаху шлепнувшись на пузо, даже не достигнув порога. Поднимаясь, я потерял несколько драгоценных мгновений, поэтому в коридор уже не выбежал. Меня вынесли сокамерники, всей толпой рванувшие на свободу. Бросив взгляд на труп стражника, я понял, что Арх не прихватил кинжал, а побежал со своими приятелями дальше, не став дожидаться меня. Именно поэтому мне пришлось расталкивать узников, нагибаться и извлекать клинок из ножен.

Неудивительно, что благодаря этому я оказался в хвосте толпы и понял, что весь мой гениальный (чего уж скромничать) план полетел к чертям. Коридор действительно оказался длинным, так как камер в этой темнице было много, но шириной чуть меньше трех метров, поэтому быстро пробиться сквозь группу заключенных и догнать Арха у меня не получилось. На крик «Расступись!» никто отреагировать, естественно, не пожелал, а едва наше стадо одолело половину дистанции, в конце коридора открылась дверь, из-за которой появились стражники. Не двое, как уверял меня Арх, а пятеро.

Пара была с копьями, один доставал из ножен кривую саб-

лю, а остальные являлись магами. Они выбросили вперед руки, с которых сорвались знакомые светящиеся шары (похоже, местные Гэндальфы никаких других приемов не знали). Они ударили в Арха и бугая, бежавших быстрее всех, и заставили их рухнуть на пол. Двое следовавших за ними узников споткнулись о тела и также растянулись на камнях. Понимая, что только мне под силу переломить ситуацию, я взвесил в руке кинжал, размахнулся и отправил его в одного из магов, надеясь на удачу.

Да, я догадывался, что она уже от меня отвернулась, но именно в этот момент эта капризная дама решила оглянуться через плечо. Иначе как еще объяснить, что клинок не задел никого из «своих» и угодил точнехонько в сердце мага? (К слову, я вообще метил в голову.) С недоумением на лице охранник начал оседать, но второй маг швырнул еще два светящихся шара. Первый попал в одного из приятелей Арха, пытавшегося поднять оброненную им саблю, а второй улетел «в молоко», никого не задев, коснулся стены и погас со вспышкой.

У нас еще оставались шансы на успех. Узникам всего лишь нужно было пробежать десяток метров до стражников и задавить их массой. Ведь расклад получался – шестеро на четверых, а коридор был не таким широким, чтобы наши противники могли грамотно взаимодействовать. Но не сложилось. Антон, внезапно очутившийся на передовой, остановился, опасаясь еще одного близкого знакомства с магией,

а остальные проявили стадное чувство и тоже притормозили, что позволило магу без помех вырубить последнего серьезного противника – оставшегося на ногах воина.

Понимая, что ловить здесь больше нечего, я развернулся и побежал обратно, слыша за своей спиной крики. Побег не удался, и теперь моя задача была простой – выжить. А это значило – постараться не попасть под раздачу. Достигнув камеры, я обнаружил там бомжа, который, жадно чавкая, уплетал кашу из чугунка, и безжизненное тело мага. Тот лежал на спине с широко распахнутыми глазами и искажившимся от невыносимой боли лицом. На шее, рядом с сонной артерией, как раз в том месте, где его коснулся приятель Арха, я заметил впившегося в кожу красного жучка и похолодел.

Получается, маг умер от укуса насекомого, сейчас с аппетитом сосавшего кровь своей жертвы? А я всего несколько минут назад позволял ему безнаказанно ползать по своей ладони! И ведь знал же, что яркий цвет в природе чаще всего говорит об опасности, но нет – преспокойно любовался раскраской смертельно ядовитого жука! Теперь понятно странное поведение сокамерников. Они-то знали обо всем и с удивлением взирали на человека, игравшего со смертью. Хотя лучше бы воин не маялся дурью, используя альтернативные методы убийства, а просто свернул магу шею. Тогда было бы тише, и удалось бы добраться до выхода без потерь. Но, вполне возможно, здешние колдуны куда более живучи, чем кажутся...

Тут в камеру залетел еще один узник и постарался забиться в угол. Я решил последовать его примеру и сел в другой, закрывшись руками и подумав, что наш план был обречен изначально. Наверняка количество стражей увеличилось из-за того, что здесь появились женщины, и Арху стоило решиться на побег еще вчера... В этот момент на пороге появился разъяренный маг, который посмотрел на все еще чавкающего бомжа, на нас, а затем выбросил руку в мою сторону. С его пальцев сорвался светящийся шарик, ударил мне в бок и породил вспышку невыносимой боли, моментально погасившей сознание.

Очнувшись, я не сразу понял, где нахожусь, но потом принюхался и сообразил, что лежу на полу все той же камеры. Судя по окружающей меня темноте, рождавшей ощущение дежавю, в отключке я провалялся больше двух часов. Мое состояние было отвратительным. Все тело болело, а ребра и лицо – в особенности. Попытавшись подняться, я издал слабый стон и решил повременить с этим.

– Ник, ты как? – раздался голос во тьме.

– Прекрасно, – отозвался я, ощупывая физиономию.

Похоже, мне по ней сильно врезали, и не раз. Один глаз основательно заплыл, губы сильно разбиты, нос расквашен, но вроде не сломан, да и зубы на месте. Видимо, работали впопыхах, чисто для профилактики.

– И что теперь делать будем? – поинтересовался Антон после недолгого молчания.

– Спать.

– А потом?

– Ты намекаешь, что стоит предпринять еще одну попытку побега? – уточнил я. – Да ты оптимист, как я посмотрю!

С трудом повертев головой, я выяснил, что в камере нас осталось всего четверо, и спросил:

– Где остальные?

– В соседних камерах, – ответил Антон.

– Откуда ты знаешь?

– А меня маг не вырубал. Я сам на пол упал, поэтому меня даже не били, так, врезали пару раз в брюхо, когда что-то спрашивали, а потом бросили обратно в камеру. Вот остальным, похоже, сильно досталось. Я слышал, их долго метелили.

По тону парня было ясно, что он хвастается своей предусмотрительностью, но я не стал это комментировать и дослушал рассказ до конца. Магическим электрошоком наградили всех. Вероятно, от неожиданности – стражники банально растерялись и не знали, как лучше действовать. Ну а потом, предотвратив побег и осознав потери в своих рядах, принялись вымещать зло на бесчувственных телах. Тогда-то они поняли, что Антон лишь притворяется, и попытались допросить свидетеля. Но он языка не знал, поэтому рассказчиком был паршивейшим, на организатора побега не тянул, в результате чего был признан бесполезным. Остальные разговаривать были не способны, так как это сложно делать без со-

знания, поэтому уцелевшие охранники выдали всем профилактическую норму побоев, расшвыряли по камерам и удалились. Вероятно, докладывать начальству о попытке побега.

Вспомнив кое-о-чем, я спросил:

– Ты жука красного не видел?

Не хватало еще, чтобы это насекомое меня ночью за мягкое место укусило!

– Его эти, в балахонах, раздавили, – успокоил меня Антон.

Ну, будем надеяться, сородичи членистоногого мстить не заявятся. Кстати, теперь мне стало понятно, почему под окном никто сидеть не хотел. Подозреваю, подобные сюрпризы редкостью не являлись, и заключенные давно осознали, что лучше находиться подальше от источника опасности. И что-то мне подсказывает: этот красный жук – далеко не единственный вид ядовитых насекомых, распространенных в данной местности.

– Так как теперь будем отсюда выбираться?

Парень никак не желал угомониться. И чего пристал? Ясно же, как божий день, что после этого случая с узников глаз не спустят, чтобы избежать повторения инцидента. И распихали нас по разным камерам явно неспроста. Видимо, раньше стражникам было лень носить еду в несколько комнат, поэтому они собрали заключенных в одной, но теперь вспомнили про инструкции и сделали все по уму. Так что нам остается только лапу сосать. Второго шанса не предвидится.

– Ник, чего молчишь?

– Я сплю, и тебе советую. А если так хочешь отсюда выбраться, попробуй использовать отверстие в углу камеры. Вдруг получится.

Я повернулся на бок, чувствуя, как ребра отзываются ноющей болью. Однако дышать мне удавалось вполне нормально, что означало – переломов нет. Антон не поленился подойти к отхожему углу, но потом все же сообразил, что я его наколол, и мрачно выругался. Я же отчего-то вспомнил, что сегодня впервые в жизни убил человека. Осознанно и без колебаний. И что же я после этого чувствую? Да почти ничего, кроме легкого удовлетворения – все-таки одним гадом меньше стало.

Это было слегка странно, так как даже в книге про орков главный герой пару страниц размышлял над ценностью человеческой жизни, но меня сейчас на раскаяние и сожаление по поводу содеянного не тянуло. Уж не знаю, что на это повлияло больше – мое воспитание или просмотренные шедевры западного синематографа, но осознание факта совершенного убийства не произвело на меня никакого ошеломляющего эффекта.

Наоборот, я даже жалел, что кинжал был всего один, однако в маньяки себя записывать не спешил. Ведь, если разобраться, эти личности от лишения жизни своих жертв получают удовольствие, а я рассматривал свое действие как средство достижения цели, поэтому только порадовался, что у

меня крепкая психика. И с этой мыслью незаметно нырнул в сон, который больше напоминал липкий кошмар, в который два дня назад отчего-то превратилась окружающая меня действительность.

Глава 4

Причина

Всю ночь я куда-то бежал, в кого-то швырялся кинжалами, которые постоянно летели не туда, куда нужно, а наутро проснулся совершенно разбитым. Заставив себя сделать полный комплекс разминочных упражнений, я ощутил значительное улучшение. Кровь побежала по жилам, мышцы уже не были ватными и работали, как полагается. И хотя лицо все еще саднило, правый глаз до конца не открывался, разбитые губы опухли, а ребра покрылись синяками, я признал, что могло быть гораздо хуже.

При свете солнца я сумел рассмотреть сокамерников, в числе которых оказался тот мужик, который сумел вместе со мной убежать с места побоища, и бомж, все еще сидевший рядом с отхожим углом и, по всей видимости, не испытывавший от этого ни малейшего дискомфорта. На лицах этих двоих тоже были заметны следы побоев и подсохшие кровавые разводы, демонстрирующие, что стражники их вниманием не обделили. Антон с утречка пораньше попытался завести старую песню о главном, но я послал его известным пеше-сексуальным маршрутом, и парень обиженно заткнулся. Был бы он вчера таким настойчивым, может быть, наша затея провалилась бы не полностью. Но когда было нужно,

парень струсил, а когда надобности нет – зачем-то строит из себя героя, готового к подвигам. И как ему самому не противно?

Несколько часов прошло в мучительных раздумьях. Мучительных – потому, что абсолютно безрезультатных. Я морщил лоб, напрягал извилины, но так и не смог придумать способ, который позволил бы отсюда выбраться. Все идеи, даже самые фантастические и авантюрные, при внимательном рассмотрении не имели и тени шанса на успех. Особенно сейчас, когда рядом не было хороших помощников. Оставив бесполезные размышления, я отметил, что время завтрака уже подошло, однако к нам никто не торопился. Что, неужто решили заморить узников голодом? А я ведь вчера даже поужинать не успел, в отличие от бомжа, оказавшегося самым умным.

Когда, судя по солнцу, время приблизилось к полудню, в темнице появились гости. Первым делом они открыли дверь соседней камеры. Прозвучали несколько отрывистых команд, суть которых осталась за гранью моего понимания, и в коридоре началась какая-то возня. Долго гадать, что там происходит, не пришлось. Вскоре открылась дверь нашей камеры, и суровый стражник, появившийся на пороге, что-то нам сказал. Бомж и мужик, подчиняясь приказу, встали и вышли, мы с Антоном последовали их примеру. Там люди в балахонах связывали узникам руки одной длинной веревкой, располагая их на небольшом расстоянии друг от друга.

Четверо из соседней камеры уже стояли в шеренге с хмурыми лицами.

Сперва захомутали мужика, потом один из стражников ткнул меня древком копья. Я с готовностью протянул руки, постаравшись максимально их напрячь, чтобы впоследствии веревка чуть меньше впивалась в запястья, и отметил, что узников вяжут на совесть. Такие узлы сложно распутать, а сама веревка хотя и тонкая, но довольно прочная. Не шелк, но что-то очень на него похожее. Порвать ее будет не просто, хотя на зуб обязательно стоит попробовать – чтобы потом знать наверняка, можно ли ее перегрызть, и как быстро это получится.

Следующим связывали Антона, которому я несколько не завидовал – ему досталось «почетное» место рядом с бомжом, чей уровень благоухания за время пребывания в камере только повысился. После ароматного субъекта стражники открыли еще одну дверь, за которой находились представительницы слабого пола. Их оказалось шесть – две женщины средних лет, одна худая девушка-подросток с испуганными глазами и три лахудры преклонного возраста, внешне напоминавшие нашего бомжика. Пока их связывали, я прикидывал дальнейшее развитие событий и строил планы.

Итак, похоже, заключенных собираются куда-то переводить. Именно поэтому всех так тщательно связывали, что было довольно предусмотрительно, ведь быстро бежать таким «паровозиком» невозможно. Интересно, куда и с какой

целью? Повезут на продажу в качестве рабов? Если да, это вполне приемлемо. Хоть быть рабом и унижительно, но в этом случае смерти можно не опасаться, так как любой хозяин должен заботиться о своем имуществе.

Идем дальше. При транспортировке шансы заключенных на побег слегка увеличиваются, поэтому нужно решить, стоит ли этим воспользоваться. Сейчас это однозначно не получится, стражников в темнице многовато – аж восемь человек. Они точно не допустят никаких эксцессов. Но я предчувствую долгую дорогу, иначе зачем узников нужно было так основательно спутывать? А в дороге может всякое произойти. Главное, только не упустить удобную возможность, если таковая представится. И обязательно переговорить (или, правильнее сказать, перемахнуться?) с Архом, чтобы в случае чего действовать с вояками сообща.

Мои надежды рухнули, когда стражники вывели из следующей камеры еще четверых заключенных, в числе которых оказался Арх с одним из приятелей. Воин сильно хромал, придерживая правую руку, распухшую у плеча. Похоже, ему ее сломали. Либо случайно, либо намеренно, чтобы воин больше не помышлял о сопротивлении. Видимо, стражники все же догадались о том, кто затеял побег, так как все остальные пострадали меньше – хотя их лица были разбиты, но выносить никого не пришлось. Это только подтверждало мою версию с рабами – им не хотели нанести тяжелых увечий, уменьшающих ценность товара.

Распахнув еще одну дверь, стражники добавили к цепочке последние четыре звена, а затем кто-то отдал громкую команду, и все узники понуро двинулись к выходу. За дверью в конце коридора была не улица, а еще один, меньшего размера и с лестницей, ведущей наверх, затем большой холл и только потом, за огромной дверью, охраняемой парой магов, начинался большой мир. Он напоминал деревушку и состоял из пары десятков самых разнообразных одноэтажных строений, имевших ну очень непритязательный вид. Одним из них была конюшня, из которой люди в балахонах выводили оседланных лошадей.

Поглазев по сторонам, я смог оценить внешний вид тюрьмы. Ну, что сказать... Большое двухэтажное здание, которое можно было отнести к эпохе земного средневековья. Архитектурные украшения типа балконов, колонн и прочего отсутствовали, а окна оказались узкими, больше напоминающими бойницы. Крыша была плоской, никаких куполов и шпилей не наблюдалось, зато имелись две небольшие башенки с зубчиками, на одной из которых находился человек, внимательно следивший за разворачивавшимся внизу действием.

Пока я считал ворон, узников заставили выстроиться в одну шеренгу и подали транспорт. Он представлял собой большую повозку, запряженную парой лошадей, оглядев которую, я понял, что не ошибся – уровень техники в этом мире был весьма низким. Колеса телеги были сделаны из дерева,

для повышения прочности обшитого металлом, и при движении громко скрипели, никаких рессор или подшипников и в помине не было, как и хотя бы примитивного подобия шин. Короче – отсталость жуткая. На повозке стояла большая железная клетка, в которой нам предстояло совершить путешествие.

Когда повозка остановилась, один из стражников гостеприимно распахнул дверцу клетки и велел нам залезать. Мне не очень повезло – край шеренги, где стояли мы с Антоном, оказался ближе, поэтому в клетку пришлось забираться в числе первых. Попытка задержаться рядом с выходом провалилась, так как остальные, словно образцовые пассажиры, прошли дальше по салону. А веревка – чтоб ее! – не давала большой свободы передвижения, да еще и стражник, увидев, что я замешкался, с радостью ткнул меня тупым концом копья в бок.

Пришлось подчиниться и оставить мысли о том, чтобы сбежать на ходу. Между прутьев не пролезть, а дверца, которая закрывалась на банальный засов, уже недосыгаема. Клетка была довольно небольших размеров, узники набились в нее, как сардины в банку. Меня вдавили в угол, а Антон вдобавок умудрился заехать локтем по пострадавшим ребрам, что настроения не добавило. Но я возмущаться не стал, так как парень своим телом героически закрыл меня от бомжа и избавил от необходимости касаться этого смердевшего субъекта.

Спустя пару минут из здания появилась еще одна парочка в балахонах, выглядевшая заметно старше прочих. Одно из них я узнал – он три дня назад был рядом с черным смерчем в числе встречавших. И судя по отсутствию копья или сабли, являлся магом. Все стражники оживились и стали рассаживаться по седлам. Пересчитав их, я мысленно присвистнул – на нашу охрану выделили дюжину бойцов! Это с магами, разумеется, так как из последних бойцы – хоть куда. Получается, после попытки побега хозяева решили утратить бдительность? Тогда шансы на побег резко уменьшаются. Но отчаиваться пока рано, ведь кто знает, что может произойти по дороге.

Как только все уселись по коням, кортеж тронулся к воротам в стене, окружавшей деревню. Эта стена была высокой, сложенной из камня, и на вид довольно прочной. Она примыкала к самой тюрьме, поэтому-то я мог видеть степь из окошка камеры. Судя по всему, хитрые строители таким способом немного сэкономили на материалах. За воротами начинались ухоженные поля, на которых что-то росло. Так как я не был большим специалистом в сельском хозяйстве, то даже не смог определить, что именно.

– Ник, а куда нас везут? – внезапно спросил Антон.

– Ты думаешь, я знаю? – отозвался я. – Эти некультурные личности отчего-то забыли просветить меня на этот счет.

– Но ты же сам мне сказал, что специалист по другим мирам! – удивился парень.

– Чего-чего? Если вспомнишь, я такого не говорил, а всего лишь заметил, что в этой области знаю больше тебя. Будешь с этим спорить?

– Но... Получается, ты...

Поглядев на Антона, который от возмущения не мог сформулировать ни одной фразы, я уточнил:

– А ты решил, что я регулярно прыгаю в соседние миры на прогулку?

На физиономии парня проступила такая искренняя обида, что я не смог удержаться от улыбки. Надо же, попал в десятку! Но впечатление нужно сгладить, а то этот полудурок вполне способен драку в клетке затеять.

– Ладно, не тужься, а то лопнешь еще. Если тебя это утешит, я предполагаю, что нас везут на рынок в качестве рабов.

– Что?!

– Млять, да не ори же ты так! – прошипел я, глядя на ехавшего рядом с повозкой стражника, поудобнее перехватившего копьё.

– Я не хочу быть!..

Тираду не прислушавшегося к разумному совету парня прервал крик боли. И неудивительно – получить дровком копьё в печень довольно неприятно. А держал бы рот на замке, сейчас не пришлось бы падать на колени и стонать, прижимая руку к пострадавшему боку. И хорошо еще, что мне не прилетело, а то бы я сильно обиделся и непременно отомстил недоумку. Но стражник удовлетворился увиденным и

расслабился, а я получил несколько минут спокойствия.

Хотя какое тут спокойствие! Одно мучение, и ничего больше. Повозка оказалась такой тесной, что узники не могли даже присесть, и это живо напомнило мне маршрутную «Газель» в час «пик». Правда, сгибаться не приходилось, но это был единственный плюс нашего положения. Повозка двигалась с поистине ошеломляющей скоростью – примерно десять километров в час – и тряска была весьма ощутимой. Любой камешек, любая ямка сотрясала наше транспортное средство так, что мне приходилось стискивать зубы. Я даже решил, что возница наверняка обладает железной задницей, позволявшей ему не замечать дискомфорта.

Спустившись с невысокого холма, на котором находился поселок, мы выехали на заросшую травой дорогу. Видимо, ей не слишком часто пользовались. Именно тогда Антон решил возобновить интимную связь с моим мозгом. Все еще потирая бок, он зло поглядел на стражников и шепотом заявил:

– Нужно драпать отсюда! Я не хочу в рабство!

– Драпай, я тебе мешать не собираюсь, – равнодушно сказал я, шевеля пальцами, чтобы те не затекали.

Парень уставился на меня с недоумением:

– А ты хочешь остаться и стать рабом?

Я промолчал, так как слова в данном случае не помогут. Не дождавшись ответа, Антон возмутился:

– Что, уже сдался? Но ведь можно же что-то сделать!

Можно всем выскочить из клетки и напасть...

И снова парню не дали закончить, но на сей раз это была яма, в которую угодило колесо телеги. Клетку здорово трянуло, и разболтавшийся Антон прикусил себе язык, причем очень сильно. Я же мысленно поблагодарил всех богов этого мира за случившееся и продолжил лениво обозревать окрестности.

Колеса поскрипывали, копыта коней постукивали, стражники переговаривались, а солнышко припекало сверху. Спустя полчаса я начал завидовать людям в балахонах: у них были капюшоны, а тут даже рубаху на макушку не натянешь – веревка, чтоб ее. Кстати, я попробовал ее погрызть ради проверки, но едва не нарвался на тычок от внимательного стражника. После этого оставалось только признать, что сейчас шансов на побег нет. Всадники окружили клетку с трех сторон и ворон считать не собирались.

Время шло медленно, постоянная тряска и скрип действовали на нервы. Вдобавок желудок принялся отчаянно сигнализировать о необходимости чем-нибудь его наполнить. Чтобы хоть как-то отвлечься от чувства голода, я сосредоточился на окружающем пейзаже и принялся подмечать особенности местности, находя в ней немалые странности. К примеру, я замечал необычные деревья. Черные, совсем без листьев, кривые и перекрученные донельзя. Иногда они стояли целыми рощами, и тогда земля под ними казалась темнее, чем в других местах. Но попадались и поодиночке, в таких

случаях они были маленькими и походили на кусты.

С флорой вообще творилось черт знает что. Если вид из окна больше напоминал степь, то спустя часа четыре я толком не представлял, где мы находились. Создавалось впечатление, что мы ехали по разным климатическим зонам, потому что я видел и леса, которые наш кортеж оставлял далеко в стороне, видел участки пустыни, где были только камни и сухие колючки, видел поля, покрытые густой травой и цветами... Короче, сплошная белиберда выходила. Мне даже пришло в голову, что мы каким-то образом перемещаемся по разным мирам, но подтверждений этому я не нашел. Несколько раз мы проезжали мимо разрушенных строений. По осколкам камней и уцелевшим участкам стен нельзя было определить, что это было ранее – крепости или храмы, но явно что-то значительное.

Однако больше всего меня удивляла фауна этого мира – она была очень агрессивной. Мы ехали без остановок, но еще до наступления темноты на нас успели напасть трижды. Первый раз это сделала птичка. Миленькая такая птаха с трехметровым размахом крыльев и хищным клювом. Она попыталась вцепиться острыми когтями в спину стражника, замыкавшего процессию, но тот отреагировал на удивление быстро, развернувшись и ловко срубив саблей голову крылатому хищнику.

Второй раз нас атаковала стая существ, похожих на земных волков, правда, куда уродливее. Стая была немногочис-

ленной, всего в два десятка особей. Они долго бежали параллельным курсом, приглядываясь к добыче, но потом все же рискнули напасть на лошадь мага, ехавшего впереди. Мне было отлично видно, как тот лениво поднял руку и швырнул в них огненным шаром, который попал в самого крупного зверя и заставил его шерсть вспыхнуть. Атака захлебнулась, звери бросились врассыпную, а попавший под удар волк, визжа от боли, пометался немного в тщетной попытке сбить пламя, рухнул на землю и затих.

Последнее нападение произошло, когда начали сгущаться сумерки. Тогда из кустов показался крокодил, но совсем не земной. Если наш умел только ползать на брюхе, то этот преспокойно ходил на мощных лапах и мог даже прыгать. Это я понял, когда трехметровая туша попыталась метнуться к лошадям, а один из магов запустил знакомым светящимся шариком. Когда этот шарик коснулся морды твари, она неожиданно тонко пискнула, подпрыгнула на приличную высоту, а после приземления поспешила обратно в кусты, обломавшись с ужином. В общем, к ночи я уже начал сомневаться, для чего нужно было брать столько охранников – для того, чтобы мы не сбежали, или все-таки для нашей защиты от местных хищников?

Когда зашло солнце, впереди показалось большое поле, на котором были в хаотичном порядке раскиданы каменные глыбы. По тому, как оживились всадники, я понял, что именно оно и было целью хозяев. Наверное, здесь мы остановим-

ся на ночь. Давно пора! За восемь часов стояния мои ноги подустали, а все любопытство вытеснило острое желание вытянуться на ровной поверхности и хотя бы немного расслабиться.

Повозка, погромыхая на ухабах, въехала в самый центр этого поля и остановилась. Возница спрыгнул с нее и с явным удовольствием потянулся. Я же настороженно рассматривал место, куда мы прибыли. Оно мне с первого взгляда не понравилось, так как представляло собой здешний вариант Стоунхенджа. Больше десятка громадных глыб, поставленных вертикально, образовывали круг, в центре которого находилась черная плита, которая по форме напоминала большой обеденный стол и навевала нехорошие мысли о жертвенном алтаре. Когда же я рассмотрел прибитые к ней ржавые кольца, то сразу вспомнил о своих недавних подозрениях, и зло выдохнул:

– Приехали, блин!

– Это хорошо. Может, пожрать наконец дадут, – немного невнятно сказал Антон, еще не въехавший в ситуацию.

– Ага, догонят и еще дадут, – язвительно заметил я, наблюдая за людьми в балахонах.

Все они спешили и молча занимались каждый своим делом. Кто стреноживал лошадей и одевал им на морды мешки с каким-то зерном, кто исследовал окрестности, а один достал из седельной сумки кожаные ремни и принялся привязывать их к кольцам на плите. После этого у меня уже

не осталось никаких сомнений в том, для чего хозяевам были нужны пленники. Похоже, они планировали провести какой-то обряд, участвовать в котором я не имел никакого желания. Но кто меня спрашивать-то станет?

Отвернувшись, я принялся грызть веревку, стараясь, чтобы никто из охранников не заметил. Она поддавалась очень плохо, как будто была из синтетики. Отвлекла меня от этого занятия резкая боль в плече – это один из стражников ткнул меня острием копья. Все, нежности кончились, теперь узников никто жалеть не собирался. Посмотрев на него, я сообразил, что, если рискну продолжать, он запросто может всадить копьё мне в живот, и демонстративно опустил руки. Значит, освободиться не суждено. Сейчас за клеткой наблюдают двое, придется ждать момента, когда они отвлекутся, и тогда попробовать повторить.

Тем временем маги достали из своих котомок какие-то предметы, которые начали светиться. Приглядевшись, я понял, что точно такие же светильники видел на стене комнаты, в которую меня доставил смерч. Эти магические амулеты люди в балахонах поместили в специальные углубления на камнях. Было видно, что все это они проделывали далеко не в первый раз, так как работали четко и слаженно. Один из пожилых магов достал из-за пазухи нечто блестящее и положил в ямку на алтаре.

К этому времени вернулись разведчики. Они встали рядом с камнями, подальше от алтаря. Подчиняясь приказу

магов, возница остался с лошадьми, а остальные направились к клетке. Разумеется, заключенные дураками не были (за некоторым исключением) и уже сообразили, куда ветер дует, поэтому взволнованно загомонили. Но все равно первый в цепочке даже не сопротивлялся особо, когда его вытащили из клетки. Трое стражников подтащили мужика к алтарю, перерезали веревку на руках и сорвали рубаху. Затем положили спиной на черный камень, растянули и ремнями оперативно привязали его конечности к вбитым в глыбу кольцам.

– Что они собираются делать? – обеспокоенно спросил Антон.

Я не стал отвечать на бессмысленный вопрос, наблюдая за парочкой магов у алтаря. Один из них достал из ножен на поясе хищно блеснувший кинжал, который оказался необычайно узким, вроде земной мизерикордии, и принялся петь. Его голос был глубоким, насыщенным. Он буквально заставлял окружающий воздух вибрировать, завораживал и гипнотизировал всех присутствующих, вгоняя их в некое подобие транса. Люди в балахонах замерли, внимая магу, пленники затихли, и даже узник на алтаре перестал дергаться.

Песня звучала все громче, приобретала некую торжественность. Я тоже попал под ее влияние и бездумно смотрел, как маг медленно поднимает кинжал, крепко сжимая его обеими ладонями. Когда же отзвучало последнее слово и наступила звенящая тишина, маг резко опустил руки, вон-

зив клинок в грудь жертвы. Человек на алтаре тихо застонал, а его тело начало источать какую-то светящуюся дымку или пар, который тут же впитывался в черный камень. Алтарь буквально всасывал эту странную субстанцию, не давая ей раствориться в окружающем пространстве. Одновременно с этим тело умирающего начало изменяться. Оно словно высухало, прямо на глазах превращаясь в мумию. Кожа на лице натянулась, проступили ребра, живот начал уменьшаться, как будто нечто высасывало человека изнутри. И тогда я понял, что сейчас происходит на моих глазах – направляемый умелыми действиями магов, алтарь поглощал саму жизнь!

Это осознание позволило мне выйти из оцепенения. Пока остальные заворуженно наблюдали за ритуалом, я с новыми силами принялся рвать зубами веревку. Но это продолжалось недолго. Вскоре стражники рядом с клеткой вновь сосредоточили внимание на пленниках, и мне пришлось оставить свои попытки. К этому времени от тела на алтаре остались только кожа да кости, которые больше не испускали никакого свечения. Подчиняясь приказу мага, парочка в балахонах сноровисто распутала ремни и сбросила останки первой жертвы с алтаря, а из клетки уже доставали новую.

Антон рядом со мной незатейливо выругался. Похоже, до него наконец дошло, что жить нам осталось не больше получаса. А если маги были стахановцами, то и того меньше.

– Ник, если мы отсюда не слиняем, нас замочат! – крикнул он мне в лицо.

– Заткнись! – шепотом приказал ему я, наблюдая за второй жертвой. – От твоего крика ничего не изменится.

Мужик отчаянно сопротивлялся и всеми силами пытался вырваться из рук стражников, но у него ничего не получалось. Извивающегося пленника подтащили к черной плите, сорвали рубаху (кстати, тоже интересный вопрос – а зачем вообще было одевать пленников?) и крепко привязали ремнями. Затем все вернулись на исходные, а маг с мизерикордией запел.

Я снова начал грызть веревку, стараясь не поддаваться его голосу, который, казалось, проникал в самую душу, заставляя ее трепетать от восхищения. Когда же я справился с несколькими волокнами своих пут, оказавшихся крепче земной лески, услышал слабый шепот. Кто-то из узников, вероятно, Арх, раздавал команды остальным. Он был скрыт от меня телами пленников, поэтому я не мог предположить, что собирается предпринять воин, но приготовился всеми силами поддержать его начинание.

У заговорщиков ничего не вышло. Как только второе высушенное тело сбросили с алтаря, а из клетки начали извлекать новую жертву, пленники с отчаянием бросились на стражей, стремясь вырваться на свободу. Вот только дверца была слишком маленькой, от веревки никто освободиться не успел, поэтому люди в балахонах спокойно дождались, пока выскочит один, а остальных, не прилагая особых усилий, затолкали обратно. Ритуал продолжился, только теперь страж-

ники не глядели на черный камень, а во все глаза уставились на узников, сразу тыкая копьями и саблями, как только кто-нибудь из них пытался развязаться.

Мысленно поблагодарив Арха за великолепную подлянку, я оставил в покое веревку. Ведь избавление от нее еще не давало мне шанс на побег. Жертв из клетки вытаскивали трое, под неусыпным контролем двух магов, поэтому даже свободными руками сделать ничего нельзя. Но у алтаря путы на руках разрезают. Вот тогда можно попытаться выхватить кинжал из-за пояса ближайшего охранника, и если не освободиться, то хотя бы утащить нескольких гадов за собой на тот свет.

Третью жертву выдоили так же оперативно, как и предыдущих. Четвертой оказался паренек, который вообще не сопротивлялся. Он сам брел к алтарю, и даже не дернулся, когда его привязывали. Только всхлипнул, когда острый кинжал вошел в его грудь. Следующим был один из приятелей Арха. Он точно так же понуро шел к черной плите, но, когда люди в балахонах разрезали веревки на его руках, нагло использовал мою задумку. Он внезапно вырвался, но не стал хватать оружие, а просто оттолкнул стоявших рядом охранников и метнулся прочь.

Его забег окончился неудачно, поскольку бежал воин по прямой, надеясь как можно быстрее покинуть освещенное место, и молодому магу не составило труда попасть ему в спину светящимся шариком. Приятель Арха рухнул на зем-

лю, пропахав ее своим носом, и забился в конвульсиях, а довольного собой мага принялся отчитывать проводивший ритуал старик. Что-то ему не понравилось в его действиях. Либо то, что в результате пленник оказался без сознания, либо магичить при жертвоприношении категорически запрещалась. Хрен его знает, но довольная ухмылка мага тут же сменилась выражением глубокого раскаяния, а все еще державшегося воина положили на алтарь.

Уж не знаю, показалось мне или нет, но в этот раз светящейся дымки из тела вытекло значительно меньше. Дальше пошел сам Арх, который сначала попытался пнуть стражей, а потом внезапно дернулся и обмяк в их руках. Когда с его бесчувственного тела сорвали рубаху, я увидел, что из плеча течет кровь. Видимо, воин так сильно рванулся, что заработал себе открытый перелом. Я даже задумался, зачем он это сделал – так сильно хотел сбежать, что забыл о травме, или же намеренно ушел в забытье, чтобы не видеть лица мучителей в последний миг своей жизни?

Жертвы ложились на алтарь одна за другой. Конвейер, мать бы его! Оставшиеся в живых пленники реагировали на происходящее по-разному. Некоторые что-то кричали, возможно, оскорбляя сектантов, некоторые рыдали, парочка смирилась с неизбежным. Антон все порывался что-то сделать. Вспомнив мои действия, принялся грызть веревку, но заработал только укол в ногу от человека в балахоне. После этого он принялся умолять меня что-нибудь предпринять,

угрожал жестокой расправой. Видимо, у парня снесло крышу. Когда же маг всадил кинжал в грудь последней женщине, Антон попытался меня избить, но быстро утомился и упал, так как получил жестокий удар между ног. Больше миндальничать я с ним не собирался.

Возможно, именно это истеричное поведение собрата-землянина заставляло меня держать себя в руках до последнего. Хоть понимал, что надежды не оставалось, но продолжал внимательно наблюдать за людьми в балахонах, пытаясь найти в их действиях ошибки, которые могли дать мне шанс. Шанс на жизнь. Но его почти не было, и единственное, что мне оставалось – это поступить так, как приятель Арха, то есть сыграть на резкой смене поведения. Может, у меня это получится немного лучше.

Когда из клетки вытаскивали бомжа, Антон попытался накинуться на стражников, но не смог нанести им ни одного удара. Еще бы! Это ведь не лохи-прохожие, которые драться не умеют, а воины, прошедшие серьезный отбор и закаленные суровой жизнью в этом мире, где если не ты, то тебя. Получив рукояткой сабли по зубам, парень зарыдал, а когда дошла его очередь, всю дорогу к алтарю, не переставая, причитал, что не хочет умирать. На черном камне он так дико извивался, что маг, опасаясь, как бы жертва не порвала ремни, немного сократил свою песню.

Удар кинжала прервал жизнь незадачливого «попаданца». Из его тела начала струиться светящаяся дымка, кото-

рая оказалась куда насыщеннее, чем в предыдущих случаях. Я смотрел на нее и внезапно отметил, что из той ямки, куда один из магов положил нечто блестящее, также исходит свечение. Это могло означать, что энергия жертв не впитывалась черной глыбой. Алтарь только являлся своеобразным проводником или катализатором процесса, а на самом деле сила убитых людей концентрировалась в хитром амулете, который принесли с собой маги.

Так что же выходит, мы для них всего лишь батарейки? Своей энергией жизни заряжаем их магическую дрянь? Но тогда получается, что силы для открывания прохода в другой мир необходимо намного меньше, чем дает человеческое тело? Довольно хитрая арифметика, однако сразу напрашивается вопрос – а какого рожна сектанты запирают в тюрьмах своих соотечественников? Ведь куда проще запускать такие смерчи и вытаскивать иномирян, которых затем гнать под нож. Только в данный момент все это совсем неважно. И мне несколько не поможет знание о том, почему маги не открывают межмировые проходы каждые сутки. Сейчас мне может помочь только чудо. Чудо и совсем немножечко везения.

Когда тело Антона ссохлось и перестало отдавать силу, его развязали и сбросили в кучу к остальным, а дверца клетки открылась, знаменуя мой выход. Я действовал согласно намеченному плану и с обреченным видом подошел к стражникам. Они схватили мою тушку и потащили к алтарю с таким рвением, что я едва успевал перебирать ногами. Похо-

же, сектантам не терпелось поскорее закончить ритуал. Подойдя поближе, я смог рассмотреть, что лежало в углублении. Артефактом, собирающим силу, оказался крупный алмаз, который был наполнен светом, и сиял, словно маленькое солнышко.

Когда мне разрезали веревку на руках, я буквально кожей ощутил, как напряглись стоявшие по бокам воины. Но я не делал лишних движений, всячески демонстрируя им, что смирился со своей участью, и ждал нужного момента. И он наступил. Один из стражников, зайдя со спины, сорвал с меня рубаху. Почувствовав, что мои руки выскользнули из рукавов, я в то же мгновение выхватил кинжал из ножен мужика в балахоне, который стоял справа. Я давно подметил, что тот никогда не спешил хватать раздеваемую жертву, именно этим и воспользовался.

Вырвав кинжал, я полоснул человека по шее, надеясь, что клинок окажется достаточно острым. Надежды оправдались – истинной наградой для меня стала струйка крови, брызнувшая из сонной артерии стражника. Разворачиваясь, я метнул кинжал в воина слева, целясь в лицо, а потом кинулся прочь, рассчитывая, что ошеломление, вызванное моими действиями, даст мне нужную секунду на побег. Не тут-то было! Мой расчет оказался неверным – стражник, который стоял за моей спиной и которого я планировал оттолкнуть в сторону, отреагировал чересчур быстро. Не успел я сделать и шага, как получил жестокий удар в солнечное спле-

тение. Этот удар заставил воздух покинуть мои легкие, а меня упасть на колени и зажмуриться от боли, на фоне которой последующие пинки сапогами оказались совсем не страшными.

Вскоре я почувствовал, как меня подняли и положили на обильно залитый кровью предыдущих жертв камень. Он оказался странно теплым. Из моих глаз катились слезы, рот раскрывался, как у выброшенной на берег рыбы, но боль постепенно проходила, и я снова обрел способность дышать. Кашляя, я наблюдал за тем, как меня привязывают к алтарю, а в сознании упрямо билась только одна мысль – я хочу жить! Я не желаю заканчивать свои дни вот так, послужив зарядкой чужому артефакту.

Меня ничуть не успокаивало осознание того, что я сумел убить еще одного ублюдка. Да, второй сектант, несмотря на мои старания, выжил. Видимо, успел отклониться, и кинжал лишь рассек ему щеку. Я видел, как раненый отошел к лошадям, порылся в седельных сумках и сейчас, поглядывая на меня со злобой, пытался какой-то тряпкой унять кровь. Но мне не грело душу, что на физиономии гада навсегда останется уродливый шрам. Это все казалось таким мелким и незначительным, о чем не стоило думать на пороге смерти. А я знал, костлявая где-то рядом, стоит и терпеливо ждет своего часа, чтобы забрать меня к себе.

Когда мои руки и ноги стянули ремни, все посторонние отошли от алтаря, оставив рядом со мной только двух ма-

гов, выполнявших ритуал. Кстати, я так и не понял, для чего был нужен второй субъект. Ведь если один завывал и работал клинком, то другой все время стоял молча и разве что обеспечивал коллеге моральную поддержку. В общем, два моих палача встали по бокам алтаря и приступили к процедуре извлечения энергии, а я, привычно отгородившись от гипнотического пения, пробовал пути на прочность, до самого последнего мгновения не желая сдаваться. Узлы были хитрыми – чтобы они развязались, достаточно было посильнее дернуть за свободный конец ремня, однако жертве сделать это невозможно. Сектанты затягивали ремни на совесть: поработав кистью, я не смог ослабить их ни на йоту.

Говорят, что перед смертью у человека перед глазами пробегают вся его жизнь. Я же могу со стопроцентной уверенностью заявить – враки это все! Лично я никаких картинок из прошлого не видел. Перед моими глазами все так же маячила ненавистная рожа мага и медленно поднимавшийся острый серебристый клинок. Хотя я могу и ошибаться, потому что, как выяснилось в следующий миг, это был не финал моего существования.

В тот самый момент, когда я уже был готов почувствовать холодную сталь, протыкающую лихорадочно бившееся сердце, произошло чудо. Самое обыкновенное чудо, которого я так долго ждал. Страшный рев и дикое ржание заставили мага прервать пение. Он замер и с удивлением посмотрел за спину своего коллеги, туда, где сектанты оставили лошадей.

Второй маг тоже обернулся, чтобы увидеть источник шума, а я понял, что судьба предоставляет мне отличный шанс, которым глупо не воспользоваться. Перехватив ремень правой рукой, чтобы не травмировать запястье, я дернул за него что было силы.

Дома я читал множество историй о том, как некоторые люди в экстремальных ситуациях демонстрировали необычайные возможности своего тела. К примеру, переворачивали автомобиль, руками мяли железо, словно пластилин, либо прыгали и бегали так, что любой олимпийский чемпион наверняка лопнул бы от зависти. Ну, это и понятно – как говорится, жить захочешь, еще не так раскорячишься. Не знаю, что конкретно способствовало кратковременному обретению ими возможностей Супермена, я встречал разные объяснения – от всплеска адреналина до специфической активности мозга, но в реальности таких историй никогда не сомневался. И вот теперь мне самому пришлось побывать в роли героя одной из них.

Кожаный ремень, до этого выдержавший трепыхания больше десятка жертв, лопнул, и моя рука обрела свободу. Не теряя ни мгновения, я схватился за крестовину занесенного над моей грудью кинжала и выдернул его из рук мага, который сконцентрировал все свое внимание на происходящем где-то у границы освещенного круга. Развернув клинок, я тут же вонзил его в сердце уroda в балахоне. Мизерикордия оказалась настолько острой, что я не почувствовал ни-

какого сопротивления. Сталь вошла в тело, будто в воду, и одновременно с этим я ощутил, как по моей руке пробежал некий приятный холодок, который странным образом очистил сознание и придал сил.

Выдернув клинок из умирающего мага, я провел им по ремню, удерживавшему правую руку. Сталь была невероятно острой и резала, как золингеновская бритва. Всего одно движение понадобилось мне, чтобы получить возможность сесть на черном камне, а еще два освободили мои ноги. В этот момент я услышал еще один рев, который принадлежал явно не тигру, и бросил взгляд в сторону его источника. Увиденная мной сцена заставила потерять несколько бесценных мгновений.

На стреноженных лошадок, мирно жующих овес (или что там у них было в мешках на мордах?), напала гигантская трехметровая обезьяна. Она уже успела перегрызть одной коняге горло, а стоявшему рядом вознице страшным ударом когтистой лапы перебить хребет. Тварь обладала густой черной шерстью, уродливой физиономией (ей-богу, земные гиббоны в сравнении с ней – само великолепие!) и огромной пастью с острыми клыками, которые легко вырывали куски мяса из туши мертвой лошади.

Причем данный Кинг-Конг обладал нехилой защитой от магии, так как непонятное синее облако, выпущенное стоявшим у алтаря магом, не заставило его даже почесаться. Понимая, что стражникам сейчас явно не до меня, я восполь-

зовался ситуацией и вонзил кинжал в спину второго палача. Тот ведь даже не заметил, что я освободился – капюшон, накиннутый на голову, сильно мешал обзору. Сектант сдавленно охнул и опустился на землю, а по моей руке вновь пробежал холодок, который бодрящей волной захлестнул все тело.

Спрыгнув с каменной глыбы, я принялся снимать с мертвого гада сапоги. Четко, быстро, не делая ни одного лишнего движения. Да, я понимал, что сейчас мне нужно бежать отсюда подальше, ведь независимо от того, кто победит – стражники или макака-переросток, здесь мне ничего хорошего ждать не приходилось. Но с голыми ногами по степи особо не побегаешь. Острые камни, колючки, всякие ядовитые насекомые – и это далеко не полный перечень сюрпризов, подстерегающих в темноте мои пятки. Именно поэтому я рискнул несколькими секундами и решил обуться.

К счастью, размер у мага оказался подходящим, а сапоги были из мягкой кожи с мехом. Они без проблем налезли на мои конечности, которые я освободил от остатков ремней, пока стражники расправлялись с тварью. Судя по всему, она им была знакома, потому что двое почти без опаски приблизились к ней и швырнули свои копья, которые легко пробили шкуру местного Кинг-Конга и застряли в его груди. Тварь издала обиженный рык, бросила лошадь и кинулась к обидчикам.

Четверо с саблями, заходящие к монстру с боков, ждали именно этого. Они метнулись к гиганту и ударили его по но-

гам, перерубая мышцы и сухожилия. Тварь взвизгнула и растянулась на земле, однако менее опасной не стала. Взмах могучей лапы подбросил одного из вояк, поленившегося отступить, в воздух. После недолгого полета тело встретилось с каменной глыбой. Судя по громкому хрусту и брызгам крови, оставшимся на камне, вряд ли этот неудачник выжил.

Ловким взмахом сабли один из стражников перерубил правую лапу твари в локте. Рыкнув, зверюшка наконец-то сообразила, что добыча оказалась ей не по зубам, и попыталась уползти на покалеченных конечностях в спасительную темноту. К ней уже подбегал воин с третьим копьём, готовясь прервать мучения странного обитателя этой местности. Не став дожидаться предсказуемого финала, я снял с мага пояс, на котором болтались ножны с кинжалом, и, сорвав с него балахон, метнулся с добычей к краю освещенного круга. Одежду я прихватил не просто так, а из соображений маскировки – мой голый торс в свете звезд мог послужить оставшимся в живых магам отличной мишенью, а серая, почти черная ткань сделает его практически незаметным.

Пока я раздевал мага, пленники догадались воспользоваться ситуацией и выбрались из клетки. К ним уже спешила пара воинов, поэтому я понимал, что узники обречены. И даже моя помощь не сможет покачнуть стрелку весов в их пользу. Все-таки в живых осталось еще восемь сектантов, которые являлись грозной силой. Кстати, один из них, находившийся на противоположной стороне круга, куда я на-

правлялся, и отчего-то не пожелавший вступить в бой с чудовищем, сейчас доставал саблю из ножен, готовясь встретить меня во всеоружии.

Я не был намерен устраивать с ним «махач», и метров за шесть до встречи метнул острый кинжал, который все еще сжимал в руке. Он вонзился воину в горло, повредив позвоночник и заставив человека опрокинуться на спину. Ох, какой я молодец! Прямо снайпер – попал туда, куда целился! Подбежав к упавшему, я выдернул окровавленный клинок из умирающего тела и хотел было захватить еще и сабельку, чтобы на всякий случай иметь в арсенале оружие посерьезнее, но рядом со мной пролетел светящийся шарик. Он вонзился в камень и разорвался с яркой вспышкой, которая частично ослепила меня и заставила поторопиться.

«Качая маятник», то есть двигаясь по извилистой траектории, не позволяющей магам точно прицелиться, я достиг границ освещенного круга и скрылся в темноте. Что есть мочи мчась по пересеченной местности, я пытался натянуть на себя балахон и при этом не споткнуться о какую-нибудь преграду, не врезаться во внезапно появившийся на дороге камень и не потерять клинок и пояс с кинжалом. Это было трудно, пару раз я уже был готов рухнуть носом на землю, но, к счастью, координация меня не подводила. Понимала, что сейчас даже одна ошибка может стоить жизни, и старалась на полную катушку.

Спустя пару минут я покинул опасную территорию, на ко-

торой маги могли меня достать. Теперь им сильно мешали камни, раскиданные вокруг места проведения ритуала, и в темноте меня было не так-то просто заметить. Слегка сбавив скорость, чтобы не навернуться, я постарался сориентироваться, а потом слегка изменил курс и побежал в направлении, противоположном тому, откуда мы прибыли, с каждой минутой все больше увеличивая расстояние между собой и преследователями.

Лишь через четверть часа ко мне вернулось привычное мировосприятие. Словно кто-то повернул переключатель в голове, сменив режим работы мозга. Теперь я мог размышлять не только о том, как бы заранее увидеть все неровности почвы и не наступить в потемках на какой-нибудь камень, или сколько времени понадобится сектантам для организации погони, но и наконец-то осознал свою победу.

Да, я сумел вырваться из цепких лап своих похитителей, сумел отомстить за свои страдания, сумел остаться в живых! Пусть лишь благодаря чудесному стечению обстоятельств и невероятному везению, но разве это не победа? И только тогда в мое сознание осторожно прокралась радость, принеся с собой за компанию еще и облегчение.

Глава 5

Опасные земли

Итак, я обрел свободу, отстоял право на жизнь. Что ж, остается закрепить успех и постараться не потерять ее в ближайшем будущем. И для начала нужно прикинуть, что будут делать оставшиеся в живых сектанты. Наверное, зря я так опасуюсь – вероятность погони минимальна. Ну не верю я, что, лишившись руководства (а эти два пожилых мага, которых мне удалось кокнуть, сто пудов им и являлись), они отважатся броситься вдогонку за беглецом. В темноте, понеся значительные потери в личном составе, рискуя переломать ноги недоеденным макакой лошадям, замедляемые повозкой с прочими пленниками... Хотя последних наверняка уже прикончили или лишили жизненной энергии на алтаре, завершив ритуал. Маги ведь у них остались.

Кстати, зря я тот наполненный светом алмаз не прихватил. Так настроился на побег, что выкинул из головы все лишнее и даже не задумался об этом. А жаль, такой камешек мог бы мне пригодиться в цивилизованных землях... Ну, если я когда-нибудь до них доберусь. Узник в камере рассказывал, что где-то должны располагаться города, однако сейчас я даже приблизительно не мог определить, в какой они стороне. Во-первых, я никогда не был особо силен в

пространственном ориентировании, а во-вторых, в беседе со мной этот мужик махал руками настолько приблизительно, что погрешность могла составить градусов девяносто.

В общем, можно смело утверждать, что погони не будет. Сейчас, в смысле, в данный момент. В будущем же эти «балахонистые» обязательно направят группу по моим следам, с целью ликвидировать опасного свидетеля. Ведь все пленники, насколько я заметил, изначально не подозревали, зачем их схватили, а прозрели, лишь когда первого лишили жизненной силы. Иначе наверняка вели бы себя по-иному, а не сидели в камере с покорностью баранов, дожидаясь у моря погоды. А из этого можно сделать вывод, что в остальном мире не знают о жертвоприношениях, и даже не догадываются, что творят эти сектанты.

Отсюда вытекает логичное предположение – хозяева той тюрьмы не захотят, чтобы об их проделках узнали остальные. И как только их ушей достигнет сообщение о побеге, они сделают все, чтобы я никому ничего не успел рассказать. Вот и выходит, что у меня есть еще двое суток, чтобы максимально увеличить отрыв. Потом время будет работать против меня. Эх, как обидно, что я не додумался поинтересоваться у сокамерников, есть ли подобные крепости в округе! А то смешно будет, если я, только выбравшись из одной выгребной ямы, тут же с брызгами плюхнусь в другую.

Но в данный момент есть проблема поважнее – нужно как-то умудриться и не попасть на клыки весьма прожорли-

вой фауне этого мира. Что-то мне подсказывало, что и Кинг-Конг, и странный крокодил, и даже коршун с волками не являлись самыми опасными представителями животного мира, и уж точно не исчерпывали список всех видов хищников данной местности. Зуб даю, здесь водятся твари гораздо страшнее. Именно поэтому я еще немного замедлил бег и далее постарался передвигаться максимально бесшумно, внимательно оглядывая окрестности.

Пока мне везло. В округе было тихо и спокойно, никто не собирался нападать на меня из-за ближайших кустов, да и в небе крылатых хищников не наблюдалось. Но я не обольщался и бдительности не терял, крепко сжимая в ладони ритуальный клинок. Не то чтобы я готовился в любой момент принять бой с какой-нибудь тварью, просто сунуть его было некуда. Он же был острым до невозможности, поэтому совать его за пояс, где болтался второй кинжал в ножнах, – верх глупости. Так можно с легкостью брюхо себе пропороть или самую нужную часть тела отчекрыжить.

Вскоре я почувствовал, что бегать в сапогах на босу ногу не особенно комфортно. Остановившись, я отрезал край трофейного балахона по всей длине, а получившийся кусок материи разделил надвое, получив самые обычные портянки, в которые замотал свои ноги. К слову, это не армейский опыт сказывался. Его, как такового, у меня вообще не было, ведь в армии я не служил, получив военный билет благодаря отцу, который, как и я, считал срочную службу в наших Во-

оруженных силах напрасной тратой времени. Пользоваться портянками меня научил дед, еще в детстве преподав краткий курс молодого бойца. И хотя ткань балахона была грубоватой, я почувствовал, что теперь мозолей, способных вывести меня из строя, не заработаю.

Первые два часа бега пролетели быстро. Я чувствовал себя прекрасно, легко и свободно, даже на шаг не переходил, хотя раньше такой темп мог выдерживать не более получаса. Потом проснулась жажда. Вспомнив о том, что не пил уже полтора дня, я сразу припомнил, что не ел столько же... В общем, дальше бежать было уже не так легко. И хотя я мысленно убеждал свой желудок, что найти еду в темноте нереально, эта сволочь осталась при своем мнении, выражая свое недовольство острой резью и сосущим ощущением пустоты.

Розовая луна катилась по небосклону, звезды подмигивали с высоты, а я все бежал и бежал, придерживаясь выбранного направления. Лишь один раз мне пришлось сделать большой крюк и оббежать лесок, так как никакого желания встречаться с его обитателями у меня не обнаружилось. Я же знал, что ночью на охоту выходят только хищники, а их добыча предпочитает спать в уютных норках, дуплах и гнездах. И хотя у меня мелькнула мысль поохотиться и заморить червячка, ее пришлось оставить до лучших времен.

Ночь тянулась медленно, а силы оказались не бесконечны. Отмахав в хорошем темпе примерно три десятка километров, я начал устраивать краткие передышки, переходя на

быстрый шаг, давая отдых ногам и приводя в норму дыхание. Во время одной из таких передышек я наткнулся на кабана. Здоровенного такого хряка с клыками, которого сперва принял за обросший мхом камень. Когда этот камешек внезапно поднялся на ноги и бросился на меня с угрожающим хрюканьем, я решил, что лучше будет смыться подальше. И хотя где-то на краю сознания мелькнула мысль о том, что неплохо было бы перекусить свининкой, я, сопоставив размеры животного и своего кинжалчика, который показался мне безобидной зубочисткой, задвинул ее поглубже и сосредоточился на беге.

От дикой свиньи мне удалось удрать. Все-таки боров весом с полтонны был не особо резвым, а мчался я быстро – откуда только силы взялись? После этой встречи я старался уделять внимание не только наблюдению за кустами, но и попадавшимися по пути валунами, которые, как показала жизнь, могли оказаться замаскировавшимися хищниками. Ведь тот хряк наверняка был плотоядным. С такими-то клыками! Но больше неожиданных встреч за ночь не произошло.

Я иногда слышал вдалеке заунывный волчий вой, а также грозное рычание, наверняка принадлежавшее тому, кто занимал вершину здешней пищевой цепочки. Один раз ветер принес даже истеричный визг, свидетельствующий о том, что его обладателю сегодня «посчастливилось» оказаться в роли добычи. Когда же темнота начала отступать, я по-

чувствовал некоторое облегчение. Разумеется, никакой безопасности наступление утра мне не гарантировало, но все же предрассветные сумерки подарили надежду.

И как обычно, едва я позволил себе расслабиться, как голод с жаждой напомнили о себе. Утолить их пока было нечем. Никаких родников по пути не попадалось, а мелкая живность на глаза не показывалась. Шагая по густой траве, я припоминал недочитанную книгу. В ней путешествие героя было весьма комфортным и больше походило на легкую прогулку. Сами посудите – как только ему приспичивало сделать привал, тут же находился ручей с «кристально чистой водой», стоило только задуматься об охоте, как дичь моментально выскакивала под выстрел самовзводного чудо-арбалета. Ничего не скажешь, удобно! А вот мне такой роскоши никто организовывать отчего-то не собирался, поэтому приходилось терпеть пересохшее горло и старательно отгонять мысли о еде.

Когда солнце показало свой краешек, прочертив на земле длинные тени, я заметил кусты с ягодами, но не стал останавливаться. Потому что понимал – никакие ягоды голод не утолят, так как калорий в них содержится даже меньше, чем придется потратить на их собирание. Ну и потом, они вполне могут оказаться ядовитыми, а у меня не было никакого желания проводить все необходимые тесты, которые рекомендовала техника выживания. К примеру, выдавливать сок на кожу и ждать, не покраснеет ли она, пробовать одну ягоду

и шесть часов прислушиваться к себе – не наблюдается ли ухудшение самочувствия? Ну, и все прочее. Поэтому я проигнорировал кусты, увешанные ярко-оранжевыми шариками, и понадеялся, что обнаружу что-нибудь более питательное, прежде чем сдохну от истощения.

Утро в этом мире было прекрасным. Я наверняка полюбовался бы им, не будь у меня такой кошмарной ночи. Природа сбрасывала с себя остатки дремоты, просыпались животные, птицы, насекомые. Я подмечал каких-то небольших грызунов, которые успевали скрыться в норах прежде, чем я успевал к ним подкрасться на расстояние уверенного броска кинжала, змей, на которых старался не наступать, кузнечиков, выпрыгивающих прямо из-под ног, и массу иных существ. Сейчас было ясно, что данная местность просто кишит жизнью.

Это создавало дополнительные проблемы. Я чувствовал, что ко мне начинает подкрадываться усталость. Это означало, что через несколько часов нужно будет искать место, где можно отдохнуть и немного поспать, и которое должно быть достаточно защищенным, чтобы сонного меня не смогли обнаружить хищники. Пока ничего подходящего на глаза не попадалось, поэтому я продолжал свой путь, ощущая, как гудят натруженные ноги. Интересно, сколько я уже отмахал? Километров семьдесят, или это я себе лыщу?

Когда солнце поднялось довольно высоко, а я начал подумывать о том, не попробовать ли мне укрыться в густой лес-

ной чаше, когда таковая попадетя в следующий раз, впереди показалась речка. Обрадовавшись, я поспешил к ней, опасаясь, как бы она не являлась бредом от сильного обезвоживания. Как выяснилось, это был не мираж, да и не речка как таковая, а большой ручей шириной метра три. Но все равно это была вода. Вода!

Не задумываясь о паразитах, кишечной палочке и прочих сюрпризах, которые могли водиться в этом ручье, я встал на колени и принялся утолять жажду. Вода была прохладной, чистой и невероятно вкусной. Хотя в данный момент мне и та дрянь, что текла в последние годы из городского водопровода, показалась бы напитком богов. Вылебав литра полтора, я с трудом заставил себя остановиться и принялся умываться, затем сбросил сапоги с портянками и опустил конечности в ручей, испытывая при этом почти оргазмическое наслаждение.

Посидев так несколько минут, я решил искупаться и попытаться отмыть запах общественного туалета, преследовавший меня уже четвертые сутки. Скинув одежду, я вошел в ручей и принялся плескаться, не забывая поглядывать по сторонам. Мало ли кто захочет появиться на водопое! Но опасность пришла не с суши. Зачерпывая воду в очередной раз, я заметил большую черную змею, стремительно приближавшуюся ко мне. Вылетев из воды, как ошпаренный, я схватил ритуальный кинжал и уставился на тварь, которая только чудом не успела меня цапнуть. Эта гадина выползла на су-

шу и как-то странно, совсем не по-змеиному – извиваясь, – а словно червяк, сокращая сегменты тела, поползла ко мне. На земле змеюка оказалась не такой резвой, поэтому я подскочил к ней и одним движением отрубил гадине голову, в который раз оценив остроту клинка.

С полминуты странное создание дергалось в конвульсиях, а затем замерло. Понаблюдав за его кончиной, я вспомнил, что змеи тоже съедобны. Ведь железы, вырабатывающие яд, расположены в голове, поэтому даже гадюк без этой части тела можно смело употреблять в пищу, не опасаясь преждевременно отбросить копыта. Мой желудок с готовностью поддержал эту идею громким бульком, поэтому я взял змеиное тело и принялся его рассматривать, готовясь срезать чешую и съесть в сыром виде. Однако кое-что показалось мне странноватым, поэтому я поднял отрезанную голову и разочарованно вздохнул.

Тварь оказалась не змеей, а гипертрофированной пиявкой. Пять пар глаз вокруг пасти с мелкими острыми зубами не оставляли никаких сомнений. Теперь мысль о том, чтобы полакомиться данным деликатесом, уже не казалась мне такой привлекательной. Да, я как-то слышал, что французские монархи некогда закусывали жареными налопавшимися кровью пиявками, но становиться последователем этих древних гурманов меня что-то не тянуло. Тем более после обнюхивания дохлой твари. Она воняла гнилью и болотной тиной, и этот запах окончательно лишил меня аппетита.

Швырнув пиявку в воду, я продолжил купание. Теперь я внимательно следил за ручьем, опасаясь появления товарок обезглавленной мерзости. Ведь эти кровопийцы замечательно ориентируются по слуху и великолепно чувствуют тепло, поэтому если кто-нибудь из них окажется поблизости – непременно попытается подкрепиться. А я даже боюсь представить, сколько крови способна всосать пиявка таких размеров.

Но все было спокойно. Дно оказалось каменистым, ила там было немного, а чистая вода позволяла рассмотреть все детали. Именно поэтому я сумел заметить, как к останкам расчлененной пиявки подплыла небольшая, размером чуть больше ладони, рыбешка и стала с жадностью отрывать куски от ее тела. Желудок снова булькнул, и я решил порыбачить. Так как кинжал бросать было глупо, а соорудить острогу – долго, я попробовал незаметно подкрасться к рыбешке и схватить ее голыми руками. Понятное дело, это было сложно, но на рыбалке с отцом подобное я проделывал не раз. Главное, только не спешить и не спугнуть добычу.

Пока я медленно подбирался к рыбке, к ней подплыли две похожие и тоже принялись лакомиться пиявкой. Остановившись совсем рядом с ними, я начал наклоняться, готовясь к рывку. В принципе, можно было и не беспокоиться. Рыбешки были настолько увлечены трапезой, что ничего вокруг не замечали. Именно поэтому я попробовал схватить сразу двух. Слегка присев и застыв в весьма комичной позе,

я протянул руки, а потом стремительным рывком вонзил их в воду и схватил чешуйчатые тела.

«Есть! Теперь будет, чем перекусить!» – пронеслась в голове радостная мысль.

Выбравшись на берег, я швырнул добычу в траву, нашел свой кинжал и принялся разделять первую рыбину. Отделив нежное филе от костей, я промыл его в воде и попробовал на вкус. Разумеется, я понимал, что мясо может оказаться ядовитым, как у японских рыб семейства иглобрюхих, иначе именуемых фугу, но голод затмил все возражения рассудка. Справедливости ради можно отметить, довольно вялые возражения. А прожевав пару кусочков, я признал, что все было не так уж плохо. И хотя на Земле суши мне есть не доводилось, в данный момент сырая несоленая рыба не внушала мне отвращения и тошноты не вызывала, поэтому я быстро умял первую порцию и принялся за вторую. Ее мне тоже показалось мало, и я вернулся за добавкой.

В ручье у пиявки собрался уже десяток рыбин, которые общими усилиями уничтожали ее, оставляя от мерзкой твари лишь черную кожу. Мне не составило труда поймать и выкинуть на берег еще пяток местных карасиков. Причем остальные, что странно, уплыть не спешили, а продолжали остервенело рвать пиявку. Видимо, ее мясо оказалось для них настолько вкусным, что напрочь отшибло инстинкт самосохранения. Но шестой карась ухитрился вырваться из ладони, а затем цапнул меня за палец. Причем вцепился на-

столько сильно, что едва не вырвал приличный кусок мяса, благо я успел вовремя разжать его челюсти.

Рана оказалась хоть и не серьезной, но весьма болезненной. Посасывая укушенный палец, я решил закончить с рыбалкой. Выйдя на сушу, почистил всю добычу, а затем переправил ее в желудок. И впервые за долгое время почувствовал насыщение. Промыв ранку, из которой все еще сочилась кровь, я отрезал от балахона кусочек ткани и замотал пострадавший палец, затем оделся и продолжил путь. Теперь я решил слегка изменить направление и двигаться вдоль русла ручья. Вода – это основа жизни, и без нее я долго не протяну, а неизвестно, встретятся ли дальше подобные ручейки. Тем более ручей может впадать в речку, а речка – это вполне реальный шанс найти цивилизацию.

Не успел я отмахать и пары сотен метров, как столкнулся с некоторыми трудностями. Во-первых, бежать с полным желудком оказалось куда тяжелее. Во-вторых, мои ноги не желали приходить в рабочее состояние после перерыва, подрагивали и постоянно норовили обо что-нибудь споткнуться. В-третьих, дальше по берегам ручья растительность постепенно приобретала все большее буйство и вскоре превратилась в непроходимые заросли. Поскольку шлепать прямо по воде мне не хотелось, я выбрал альтернативный вариант и побежал на значительном отдалении. Ручей был немаленьким, потому я не сильно переживал, что могу его потерять.

Но хуже было то, что после трапезы меня начало клонить в

сон. Героически поборовшись с сонливостью, спустя два часа, когда натруженные ноги уже отказывались передвигаться, я решил устроить привал. К этому времени местность вокруг снова изменилась, превратившись в каменистую степь, на которой среди невысоких холмов одиноко торчали колючие кусты и сухие деревья. Оглядываясь вокруг в поисках надежного убежища или чего-нибудь, отдаленно его напоминающего, я заметил грудку камней и направился к ней.

Это оказались развалины небольшой часовни. На первом ее этаже отсутствовала одна из стен, в другой зиял огромный пролом, а второй этаж был полностью разрушен. Деревянные балки перекрытия практически все обвалились, но оставшиеся образовали небольшой пяточок в углу, на котором я мог примоститься, не опасаясь волков, кабанов и прочих бродивших по земле тварей. Обойдя развалины, я не обнаружил никаких опасных животных. Только десяток гревшихся на солнышке больших зеленых ящериц.

Убедившись, что неприятных соседей не имеется, я поднял одну из подгнивших балок, потревожив несколько паучков, прислонил к стене, забрался на нее и ухватился за остатки перекрытия. Забросив туда кинжал, я подтянулся, залез на второй этаж, отряхнул ладони от трухи, в которую превращалось дерево, и устроился в уголке. Накинул на голову капюшон, чтобы спастись от яркого солнца, бившего в глаза, положил поближе клинок, вытянулся и моментально погрузился в сон.

Разбудили меня хлопки крыльев. Открыв глаза, я увидел, как рядом садится птаха, сородич которой вчера напал на кортеж. Теперь я мог рассмотреть ее во всей красе. Птичка была очень похожа на орла, оперение особой красотой не отличалось – было серым в черных пятнышках, за исключением бежевых маховых перьев и хвоста. Когти ясно говорили о том, что если какая добыча в них попадется, то вырваться точно не сможет, а массивный клюв наверняка мог разбивать камни. Вообще, по традиции здешних мест, вместо клюва у данного орла должна быть пасть с внушительными клыками, но на этот раз природа отчего-то решила не отходить от канона.

Птица опустилась на балку в трех метрах от меня, там, где ее крылья не могли задеть остатки стен. Не отрывая взгляда от пернатой, я нашарил клинок, сжал рукоять в ладони и сразу почувствовал себя увереннее. Орел издал какой-то звук, здорово похожий на карканье, сложил за спиной крылья и вприпрыжку поскакал ко мне. Первым делом птаха попыталась вцепиться когтями в ноги, но я подтянул их к туловищу, и она, подпрыгнув, вознамерилась клюнуть меня в голову. Именно в этот момент я ударил пернатого хищника кинжалом в грудь, доказывая, что загнанная в угол добыча тоже бывает опасной.

В сердце я не попал, но клинок вошел в покрытое перьями тело по самую рукоять и заставил птичку замереть. По моей руке вновь пробежал уже знакомый бодрящий холодок,

а орел закатил глаза и тяжело кувыркнулся с балки вниз. Я успел вырвать свое оружие и огляделся. Других птичек в небе видно не было, а значит, можно вздохнуть с облегчением – еще один раунд с фауной чужого мира окончился в мою пользу.

Взглянув на солнце, я решил, что четырех часов отдыха вполне достаточно, встал, с наслаждением потянулся и спрыгнул на первый этаж, постаравшись выбрать местечко поровнее, чтобы не переломать конечности на осколках камней. Приземление прошло благополучно, мои ноги сработали на отлично, словно и не было целой ночи марафонского забега. Я даже удивился, а потом вспомнил тот самый странный холодок, который чувствовал, применяя клинок. Ведь он не являлся галлюцинацией, это ощущение было вполне реальным и требовало объяснения.

Итак, попробуем сопоставить факты. Когда я вонзаю клинок в живое тело, получаю странные ощущения и заряд бодрости. Причем заряд неслабый. Так, например, вчера только благодаря ему я смог бежать целую ночь, только благодаря ему справился с голодом и жаждой. А сейчас, всего после четырех часов сна, чувствую себя буквально заново родившимся и не ощущаю никаких следов переутомления. Да, это явно заслуга кинжала, который неким непонятным способом наполнил меня энергией.

Выходит, этот клинок умеет извлекать из жертв жизненную силу и направлять ее своему владельцу. Так что же по-

лучается, главным в ритуале был не поющий маг, не черный алтарь и даже не алмаз, в котором концентрировалась энергия, а именно эта острая полоска стали? Ну, теперь понятно, почему маги даже не дернулись, когда я их убивал. Они ментально лишались своей силы и не могли даже сопротивляться. Вот почему напавшая на меня птаха рухнула замертво, хотя удар был далеко не смертельным. А значит, сектанты станут разыскивать меня с небывалым усердием и не остановятся до тех пор, пока не найдут. Живого или мертвого, ведь ритуальный кинжал им нужно вернуть во что бы то ни стало.

Печально вздохнув, я рассмотрел свой трофей. В принципе, ничего особенного – обычная закаленная сталь, рукоять из потемневшего от времени серебра с удобным рельефом и небольшой гардой. Единственное, что было необычным – это непонятная вязь иероглифов, выгравированная на отполированной до блеска поверхности клинка. Вряд ли она являлась клеймом мастера-изготовителя. Скорее какими-то религиозными тезисами или девизами, которые, насколько мне известно, очень любили размещать на своих мечах древние японцы, и не только они.

В общем, хрен его знает, почему клинок приобрел такие свойства, которые очень мнегодились. И тот же хрен наверняка догадывается, почему на алтаре кинжал работал совсем по-другому. Для меня же это все объяснялось одним словом – магия. В этом мире она была не выдумкой сказочников, а вполне рабочей штукой, не подчинявшейся законам

физики. И хотя я не понимал принципа работы данного артефакта, не представлял возможных отрицательных последствий его применения, но знал одно – теперь я с ним ни за что не расстанусь. Такая вещь в цивилизованных землях стоит неприлично дорого, а в этих опасных местах так и вовсе не имеет цены.

Отложив в сторону размышления о неоднократно выручившем меня трофее, я принялся думать, что же делать с тушей орла. Такую грудку мяса бросать было бы глупо, тем более в желудке снова появилось ощущение пустоты, которое убеждало меня, что пришла пора подкрепиться. Первым делом я выдернул пару десятков длинных маховых перьев, связал их веревкой, вытянутой из балахона, и спрятал в карман. Если я в ближайшем будущем не доберусь до цивилизации, придется делать лук, и тогда они могут пригодиться.

Дальше я срезал перья с грудки, обнажив сочную мякоть, и осторожно попробовал кусочек. Мясо оказалось жестким, невкусным, но выбирать не приходилось, поэтому я быстро набил им желудок, особо не жуя. Не знаю, может, в жареном или вареном виде орлы намного лучше, но огня у меня не было, а добывать его было бы слишком долго. Давясь сырым мясом, я сделал себе заметку на будущее – подыскать кремень и хорошее кресало.

Насытившись, я тщательно вытер пальцы о траву и наткнулся взглядом на повязку на месте укуса. Прислушавшись, я понял, что палец уже не болит, развязал ленточку и

с немалым удивлением осмотрел небольшой, едва заметный шрам. Вот как? Оказывается, мой кинжал намного полезнее, чем я думал. Он может не только придавать сил, но и попутно лечит раны, ускоряя природную регенерацию организма. И странно, что я раньше этого не понял, не обнаружив во время купания последствий недавних побоев. Интересно, а что он еще умеет? Полагаю, это придется выяснять на практике.

Отряхнув перья и пух с балахона, я покинул развалины, сориентировался и продолжил путь. Остатки мяса брать с собой не стал – кроме того, что его не в чем было нести, я опасался, что запах свежей крови может привлечь хищников. Минут десять я старательно работал ногами, а потом почувствовал, что с моим организмом творится что-то неладное. Сначала появилось неприятное ощущение в животе, а потом я едва успел снять штаны, приседая под ближайшим кустом. Ничего себе! Неужели это мясо орла так спешит покинуть мое тело? Думаю, вряд ли, в таком случае меня бы просто вырвало. Выходит, с голодухи свежая рыбка желудком усваиваться не пожелала.

– Да уж, не все йогурты одинаково полезны! – наставительно заметил я с тяжким вздохом.

Следующие несколько минут я старательно удобрял каменистую почву, издавая весьма громкие звуки и отчаянно надеясь, что никто из хищников не воспользуется моим беспомощным состоянием. Почувствовав себя чуточку легче, я

сильно оголил куст, жалея, что у меня нет под руками той книги про орков. Сейчас она бы очень пригодилась. Кстати, интересно, почему ее герой никогда не задумывался о такой жизненно необходимой каждому «попаданцу» вещи, как туалетная бумага? Что-то писатель забыл прояснить такой весьма любопытный момент.

Натянув штаны, я снова взял кинжал и побежал дальше. Однако на протяжении последующего часа мне пришлось останавливаться еще трижды, после чего кишечник вроде бы угомонился и перестал изображать реактивную трубу. К этой вынужденной расплате за обжорство я отнесся философски и сожалел только о том, что теперь преследователям по моим «горячим следам» будет легче сориентироваться. Остается уповать на то, что им все равно придется прочесать большую площадь, обеспечив меня хорошей форой во времени.

Оставляя за спиной километры, я старался не особенно отдаляться от ручья. Сейчас это труда не составляло – местность окончательно превратилась в степь, деревьев росло мало, можно было издали заметить любой изгиб или поворот русла и не делать напрасный крюк. Поэтому я периодически забегал на какой-нибудь холмик и оглядывался. Именно это помогло мне заметить стаю волков, которые расположились на водопое. То ли просто утолить жажду, то ли в ожидании добычи.

Стая была крупной – особой из сорока, и я решил обойти ее по широкой дуге, причем по другому берегу ручья. Ведь у

волков хороший нюх. Наткнувшись на мой след, они догонят меня в два счета, а отбиться или убежать вряд ли получится. Против такого количество зубастых хищников даже мой кинжальчик – не помощник. В общем, я спустился с холма, подбежал к ручью и переправился через него, рассчитывая на то, что волкам в ближайшее время не захочется попутешествовать.

Другой берег оказался в точности таким же. Удалившись на безопасное расстояние, чтобы стая меня не заметила, я миновал этот участок, но возвращаться за ручей не стал. Но вскоре выяснилось, что на этом берегу меня поджидало куда больше сюрпризов. На первый я наткнулся спустя всего полчаса. Представлял он собой поле, покрытое необычайно густой и сочной травой, перед которым я неосознанно перешел на шаг. Недоумевая, что меня насторожило, я принялся разглядывать странное поле.

На нем не росло цветов. Совсем. Также на нем не было кустов, деревьев или другой растительности. Зато то тут, то там белели кости, принадлежавшие самым разнообразным животным. Они были изумительно чистыми – хоть сейчас в музей или в кабинет биологии. Кое-где валялись по отдельности, но иногда составляли целые скелеты. Глядя на них, я сделал вывод, что это не кормушка какой-нибудь твари вроде вчерашнего Кинг-Конга. Тот бы точно повредил кости, а здесь они, насколько я видел, все целехонькие, как будто кто-то переварил добычу целиком.

Эта мысль родила бредовую идею о происхождении данного кладбища, которую я не поленился проверить. Вернувшись по своим следам, я с трудом оторвал от сухого дерева большую разлапистую ветку и вместе с ней снова подошел к полю. Размахнувшись, я швырнул хворостину изо всех сил. Ветка упала на траву, и тут же по полю прошла волна. Мясистые стебли, словно живые, потянулись к своей добыче и вмиг оплели ее сотнями зеленых щупалец. Всего минута потребовалась прожорливому растению, чтобы понять – попавшая к нему ветка несъедобна. Медленно, с неохотой оно оставило в покое сухую деревяшку, выпрямило стебли и вскоре снова превратилось в безобидную сочную травку, которую колыхал легкий ветерок.

Я только пораженно хлопал глазами. Кто бы мог подумать! Хищная трава, которая, судя по количеству костяков, уже не один год поджидала на этом месте неосторожных зверей. Уж не знаю, как растение пожирало своих жертв – впрыскивало яд, растворяющий ткани, или же переваривало в смертельных объятиях, но ясно одно – вся травка имеет единую корневую систему. Я ведь подметил, как слаженно вострепнулся этот зеленый ковер, когда почувствовал прикосновение упавшей ветки. Да уж, хорошо, что ночью на моем пути не повстречалось нечто подобное! В свете звезд я вряд ли смог бы заметить опасность, прежде чем меня начали бы переваривать. Повезло, иначе и не скажешь.

Обогнув зеленое поле по широкой дуге, я вскоре столк-

нулся со вторым сюрпризом – тем самым странным крокодиллом, которого впервые увидел сутки назад. Этот экземпляр был намного мельче своего сородича, напавшего на кортеж, но все равно я решил с ним не связываться и трусливо сбежал с поля боя. Ведь если такая тварь прыгнет на меня издалека, далеко не факт, что я сумею увернуться от пасти с многочисленными треугольными зубами и одновременно воткнуть в тело зверя клинок. Нет уж, на фиг! Я не трус, но я боюсь! Тем более что есть пока не хочу, а значит, и рисковать незачем.

Крокодил оказался на диво упорным и преследовал меня добрую четверть часа, но мне было легко сохранять между нами постоянную дистанцию. Когда хищнику надоело меня гонять, он замедлил темп и вскоре безнадежно отстал. Обернувшись в очередной раз, я увидел, что крокодил постоял, с сожалением глядя мне вслед, а потом как-то разочарованно вздохнул, совсем как человек, развернулся и неторопливо потопал обратно. Перейдя на шаг, я даже задумался, имеется ли у него разум. Ведь он мог просто сделать вид, что отступил, а на самом деле продолжит преследовать меня, дожидаясь ночи, чтобы подкрасться в темноте к спящему человеку и впиться острыми треугольными зубами... Так, хватит фантазий! Мне только разумных крокодилов не хватало! И так проблем по самое горло.

На этом сюрпризы не закончились. До наступления сумерек я успел повстречаться с гусеницей. Да, именно гусе-

ницей, и нечего удивляться. Просто она была длиной метра полтора и толщиной с палку докторской колбасы. Лимонно-желтая с красными пятнами, украшенная торчащими во все стороны тонкими длинными стеклянными волосками, переливающимися на солнце, она задумчиво объедала кусты, лишая их не только листьев, но и тонких веточек, и на меня нападать не думала. Поглазев немного на это чудо, я еще подумал, какая же из нее должна получиться бабочка, и двинулся дальше.

Также я заметил варана-хамелеона, который перепугал меня до полусмерти. Представьте себе: присел я на камешек по причине весьма прозаической – портянки перемотать и дать ногам минутный отдых, а соседний камень вдруг как уставится на меня! Хорошо, я быстро сообразил, что это всего лишь ящерица-переросток, искусно принявшая цвет окружающей местности, а то мог бы всерьез усомниться в своем психическом здоровье. И хотя варан не был агрессивно настроен, я счел, что будет лучше как можно быстрее покинуть его общество.

Были еще паук-птицелов размером с футбольный мяч, развесивший свою сеть между двух деревьев, колония красных муравьев, каждый из которых был как спичечный коробок, и злобный суслик-переросток, который шипел похлеще змеи и, демонстрируя передние резцы, пытался прогнать меня со своей территории. Последний был весьма грозен, так как, стоя на задних лапах, достигал моего пояса. Глядя на

него, я долго раздумывал, не пустить ли мне в ход кинжал, но потом решил пощадить смелого грызуна, судя по тоненькому писку, доносившемуся из-под земли, защищающего свое гнездо с детенышами.

Но все эти сюрпризы затмила последняя неожиданная встреча этого дня. Она произошла в тот момент, когда я решил устроиться на ночлег в каких-то развалинах. На этот раз это оказалась просто большая груда камней, в которой я и решил обосноваться, пока совсем не стемнело. К тому времени мне удалось отмахать немало километров, однако я не стал развивать успех, понимая, что в первую ночь на этих землях только чудом остался жив, и в дальнейшем риске смысла не видел. Уже подойдя к камням и прикидывая, как можно забраться на эту кучу, я услышал шипение.

Сперва я подумал, что это еще один суслик, и обрадовался, так как поужинать бы не отказался, но потом увидел большую черную змею. Она приподнялась из травы и, слегка раскачиваясь, угрожающе шипела. Разумеется, я замер, как вкопанный, а потом стал медленно отступать, стараясь резким движением не спровоцировать гадину. Спустя несколько секунд рядом с первой поднялась еще одна, зашипевшая аналогичным образом, дальше я увидел еще трех, спешивших на помощь товаркам. Шипение усиливалось, а я все пятился, не сводя глаз с продолжающих вылезать из груды камней гадин.

Когда же я отступил от развалин метров на двадцать,

услышал звук, похожий на очень громкий хрип. Шипение, будто по команде, оборвалось, но змеи не собирались расползаться. Они все так же раскачивались, словно пытаюсь меня загипнотизировать, а на камнях появился Змей. Именно так, с большой буквы. Он появился из какой-то норы, оглядел пространство и устремился ко мне. Я здорово струхнул, потому что данный представитель змеиного царства был поистине огромных размеров.

Я как-то смотрел в Интернете забавное видео из какого-то зоопарка, где произошло невероятное – удав проглотил бегемота. Правда, бегемот был маленьким, но не в этом суть. Змей, который сейчас приближался ко мне, оказался куда больше земного удава и запросто мог проглотить человека. Понимая, что убежать не получится, я перехватил кинжал поудобнее и приготовился отбиваться.

Но мне не предоставили такой возможности. Змей как-то весьма неожиданно прыгнул, мощным ударом сбил меня с ног, а затем обвился вокруг туловища и принялся немилосердно сдавливать, пытаюсь задушить. Слава всем богам этого мира, при падении я не выронил свой кинжал, потому что вцепился в него, как в спасательный круг. На ощупь я ткнул им Змея, стараясь не пропороть себе брюхо. Зная особенность клинка, я не стремился нашинковать гада, а просто вонзил сталь в тело душившего меня хищника, надеясь, что и в этот раз он справится с заданием.

Все вышло прекрасно – я снова почувствовал холодок,

пробежавший по телу, а затем хватка Змея ослабла, позволяя мне свободно вдохнуть. С трудом освободившись от его объятий, я поднялся на ноги и посмотрел на его сородичей, которые стремились спрятаться в камнях. С гибелью вожака (или кто это был?) они странным образом растеряли всю свою смелость, и хотя некоторые обиженно шипели на меня издали, но подползать и мстить явно не собирались.

Посмотрев на дохлого Змея, я почувствовал себя Георгием Победоносцем, а потом пораженно выдохнул. Это просто фантастика – колония змей со своим вожаком. Или царицей, хрен разберешь – я как-то не умею змей по половому признаку различать. Одно ясно, в этом мире странностей предостаточно, и мне нужно постепенно отвыкать от всего, что я знал дома. Ведь здесь и суслики на людей нападают, и орлы уважают человечину, и крокодилы прыгают, и трава мясом питается, и пиявки размером с кобру...

Короче, здесь свои законы. И если я хочу выжить в этих опасных землях, мне придется узнать их и выучить назубок.

Глава 6

Мертвый город

Вспомнив о том, что нахожусь рядом со змеиным гнездом, я поспешил прочь от развалин, перед этим не забыв вырезать себе на ужин из тела Змея кусок сочного мяса килограмма два весом. Работая клинком, я еще прикинул – не снять ли с гада черную кожу, которая была красивой и на ощупь просто обалденной, но потом понял, что не смогу ее правильно выделать. А таскать шкурку, чтобы в результате ее выкинуть, было глупо. Поэтому я удовлетворился мясом, которое стрескал на ходу, подивившись своему аппетиту.

Кстати, кинжал, вытянув из тела Змея жизненную энергию, обеспечил меня солидным запасом бодрости. Я чувствовал, что усталость, накопленная за долгий день, отступила, а сонливость пропала без следа. Теперь я был способен отмахать еще километров тридцать, особо не утруждаясь, чем и решил воспользоваться, на время оставив мысли о поиске места для ночлега.

Подбежав к ручью, я смыл змеиную кровь с рук, клинка и умылся, недовольно поморщившись по поводу своей многодневной щетины. Похоже, мое превращение в дикаря шло полным ходом. И кстати, что-то слишком легко протекал этот процесс. Если в первый раз сырое мясо я пробовал с

большой опаской, неважно оценивал его вкусовые качества и старался побыстрее проглотить, то сейчас уминал вышеупомянутое с большим аппетитом, даже не сожалея о невозможности его правильного приготовления и отсутствии специй.

Было немного странно это осознавать, ведь, как ни крути, я – человек, воспитанный земной цивилизацией двадцать первого века, привыкший к комфорту и уюту. Несомненно, большинство моих знакомых, попав на эти земли и увидев все то, что видел я, давно бы от собственной тени шарахались. Я же никакого страха не ощущал и, хотя все так же настороженно посматривал по сторонам, паниковать или биться в истерику не собирался. Вероятно, это заслуга отца, преподавшего мне основы техники выживания в дикой природе и регулярно таскавшего с собой в походы. Кто бы мог подумать, что именно это времяпрепровождение, которое я воспринимал излишне легкомысленно, даст мне такие необходимые сейчас знания и умения.

Напившись, я побежал дальше, планируя с пользой потратить подарок клинка. Кстати, довольно странно, что этот артефакт на алтаре не только извлекал жизненную энергию жертв, но и превращал их тела в высушенные мумии, а у меня дело ограничивалось только смертью. Возможно, интенсивность его работы зависела от многих факторов, таких как соприкосновение с черной глыбой (ведь маг пробивал тела насквозь, втыкая кинжал в камень), сопутствующие действия проводившего ритуал, или даже наличие у хозяина ма-

гических способностей. И поэтому в моей руке этот клинок только убивает, а при правильном подходе способен извлекать силу даже из клеток тела. Либо я что-то не понимаю, и этот процесс происходил не на клеточном уровне? Ох, как же сложно с этой магией!

Бежал я долго, а усталость почувствовал только ночью. За это время никто на меня не напал, хотя я частенько слышал и рычание, и чьи-то крики, не похожие на человеческие. Они доказывали, что ночью на этих землях жизнь не замирала. Но мне пока везло, и полуночных хищников я так и не встретил, зато издали заметил небольшую круглую башенку непонятного предназначения, одиноко торчавшую на холме. Решив, что она идеально подойдет, я направился к ней.

Поднявшись на холм, я обошел строение кругом, прислушиваясь, не раздастся ли знакомое шипение. Именно тогда я увидел, что башня сильно разрушена. Уцелела лишь часть стены, которую я заметил, а все остальное лежало грудой камней. И все же это было укрытие. Плохонькое, но хоть не под кустом придется спать. Убедившись, что в развалинах не обосновались змеи или другие гады, я подошел поближе и, стараясь не подвернуть ногу на валявшихся вокруг кирпичах, достиг фундамента башни.

Площадка, укрываемая уцелевшей стеной от ветра, оказалась кем-то заботливо расчищенной, в углу виднелось кольцо камней с золой и кучка хвороста. В общем, все говорило о том, что я далеко не первый путник, ночующий в этом

месте. Поворошив пепел, я предположил, что костер разводили не больше двух недель назад. Возможно, цивилизация уже близко, что не могло не радовать. Правда, я пока довольно смутно представлял, как буду действовать, добравшись до нее, но решил не строить далеко идущих планов, улегся на камни, все еще хранившие солнечное тепло, и моментально заснул.

Разбудила меня боль в правой руке, в районе запястья. Еще толком не проснувшись, я подумал, что это какой-нибудь голодный комар, и машинально хлопнул по нему ладонью. Но это оказался совсем не комар – пальцы ощутили что-то мягкое, пушистое и, несомненно, живое. Шея сильно затекла, поэтому голова поднялась с трудом. Когда я посмотрел на свою руку, обнаружил там шевелящийся мохнатый комок с крылышками. Небо уже посветлело, поэтому, приглядевшись, я смог рассмотреть и лапы, и вытянутую мордочку, и розовый язычок, которым существо, весьма похожее на летучую мышь, слизывало мою кровь, вытекавшую из небольшой ранки.

Окончательно проснувшись, я попытался оторвать кровососа от своей конечности, но у того оказались весьма острые коготки, которыми он вцепился в руку. Пришлось нашарить кинжал и ткнуть им летучую тварь. Она дернулась от боли, но тут же безжизненно обмякла, впрочем, не собираясь разжимать хватку. На этот раз бодрящий холодок был едва ощутимым. С трудом вырвав когти местного представителя вам-

пирского рода из руки, я отбросил дохлую тварь в сторону и оценил масштаб повреждений.

Все было не так плохо – несколько глубоких царапин на коже и пара аккуратных дырок от клыков на запястье. При чем боли не было, потрогав область укуса, я обнаружил, что кожа онемела, как от хорошего местного наркоза. Похоже, эта тварь впрыснула какой-то яд, который мало того, что блокировал болевые ощущения, так еще и не давал крови свернуться. Насколько я знаю, именно этим опасны похожие существа на Земле. Охотятся они редко, выпить могут совсем немного, но именно из-за специфического состава слюны их жертва рискует умереть от потери крови. Так что, если бы я спал чуть крепче и прозевал момент укуса, вполне возможно, не проснулся бы никогда.

Я постарался высосать яд из запястья, надеясь, что для людей он не является смертельным, а затем поднялся и направился к ручью. Там первым делом тщательно промыл все царапины, вторым – лишил жизни трех голодных и весьма резвых пиявок, которые попытались на меня напасть. Их я, согласно проверенной методике, выманил на сушу и зарезал. И хотя никакого ощущения холодка в этот раз не наблюдалось, все мои царапины после расчленения тварей перестали кровоточить, а к запястью вернулась чувствительность. Побросав пиявок в воду, я по-быстрому принял водные процедуры и поймал трех небольших рыбешек, польстившихся на прикормку. Не смутившись небольшим количеством добы-

чи, разделал рыбу и позавтракал, после чего продолжил путь к неизвестности.

Спустя несколько часов взошло солнце. Когда оно поднялось повыше, впереди показалась речка, в которую вливался мой ручеек. Она была широкой, хотя и мелкой, поэтому вброд пересекать ее я не рискнул, опасаясь пиявок и прочей мерзости, от которой в воде отбиться не так-то просто. Кроме того, я подозревал, что если местные караси обладают острыми зубками, то с местными щуками лучше вообще не встречаться. В общем, теперь я двигался вдоль речки строго на юг, хотя направление для меня особой роли не играло.

Проголодавшись в очередной раз, я удачно поохотился, убив прятавшегося в кустах суслика точным броском кинжала. На этот раз я решил потратить немного времени и добыть огонь, чтобы впервые за много дней нормально поесть. Но четверть часа усиленной работы кремнем и кресалом, которые я подобрал в степи еще утром, ничего не дали. Искры были слишком слабыми и не хотели поджигать пучок ниток, надерганных мной из балахона. Странно, в походах с отцом этот способ всегда срабатывал. Правда, тогда я пользовался напильником, а здесь ничего похожего под рукой не оказалось.

Огорченный неудачей, я бросил страдать ерундой и снова подкрепился сырым мясом, а затем с полным желудком потопал к невысокому холмику, на котором находилось какое-то приземистое полуразвалившееся строение. Подняв-

шись на холм, я оглядел окрестности и не смог сдержать радостный возглас:

– А вот и цивилизация!

Прямо по курсу виднелся городок, располагавшийся на берегу реки, по местной традиции окруженный высокой каменной стеной. После внимательного осмотра последней моя радость поутихла, поскольку в некоторых местах даже с такого расстояния можно было заметить проломы. А если добавить к этому полное отсутствие во всей округе путников и вспомнить про дым городских печей, который в обеденное время обязательно должен быть виден издалека, можно сделать логичный вывод – жителей в городе нет.

Да, я мог ошибаться, судя по кострищу на развалинах, но дыры в городской стене говорили сами за себя. Если бы в городе кто-то обитал, наверняка бы подлатал периметр, чтобы иметь надежную ограду от разнообразных тварей. Неужели именно об этом городе говорил мне сокамерник? Он ведь показал на пальцах, что людей в балахонах в нем нет, но сейчас у меня зародились подозрения – может, я понял неправильно? Может, он хотел сказать, что в нем вообще никого нет?

Тогда логично будет предположить, что сектанты схватили его в городе, когда он собирался помародерствовать. Чем не объяснение? Но откуда тогда пришел этот мародер, и существует ли вообще здесь цивилизация? Или она ограничивается поселениями сектантов? Если да, то куда в таком

случае подевались все люди из этой ранее густонаселенной местности? На эти и многие другие вопросы я не знал ответов, но решил не ломать голову понапрасну, проигнорировал строение на холме, спустился и побежал к городу.

Хотя мне казалось, что до него было рукой подать, бежать пришлось около получаса. И хорошо еще, что под ноги попала старая дорога, поэтому это было не так утомительно. Когда я достиг самого большого пролома в городской стене, то обнаружил, что раньше в этом месте были ворота. Об этом говорили остатки арки и поржавевшие массивные петли, валившиеся неподалеку. Перейдя на шаг, я осторожно зашел в город и огляделся.

Большие одно-и двухэтажные здания, давно лишившиеся дверей и ставней, демонстрировали все признаки запустения, а на вымощенной улице между булыжников пробивалась трава. Для полноты картины не хватало какой-нибудь вывески, качавшейся на ветру и периодически издававшей тоскливое поскрипывание. Вот тогда это место можно было бы смело отнести к типу городов-призраков, которые так любят показывать в земных ужастиках. Но вокруг царил тишина, нагонявшая на меня жуть.

Перехватив поудобнее кинжал, давно ставший для меня чем-то вроде талисмана, я осторожно двинулся по улочке к центру города, предположив, что там дома побогаче, а значит, именно в них можно найти что-нибудь полезное. Если, конечно, их еще не окончательно разграбили, поскольку, за-

глядывая в оконные проемы ближайших, я видел лишь груды мусора, какой-то трухи и перевернутую мебель, покрытую пылью.

Озираясь по сторонам и не забывая поглядывать на небо, я прошел мимо десятка домов и обнаружил первый сюрприз – обглоданные человеческие кости. Они были довольно свежими, так как над ними еще кружились мухи, а череп с отсутствующей нижней челюстью деловито исследовали муравьи. Оценив, как далеко были разбросаны останки, и заметив тряпки, на которых виднелись темные пятна засохшей крови, я предположил, что человека разорвали на части. Сразу мелькнула мысль – не благоразумнее ли будет смяться подальше? Ведь та тварь, что недавно полакомилась этим мародером, все еще может находиться в городе. Но я решил пока повременить с бегством и пошел дальше.

Город был небольшим. Спустя всего пару десятков строений я оказался на центральной площади, на которой соединялись все улицы, и приступил к поискам. Выбрав дом наугад, я залез в него через окно, так как чудом уцелевшая дверь оказалась запертой. Внутри оказалась та же пыль, мусор и явные признаки погрома, устроенного давным-давно. Осмотрев две большие комнаты, я ничего полезного не нашел и сосредоточился на кухне, расположенной в другой части здания. Там находилась самая обычная печь, несколько столов, шкаф, полки на стене и большая кадушка с какой-то плесенью. На полу валялись черепки и осколки тарелок, а на

столе – огарок свечи и полуразложившиеся тряпки.

Осмотрев полки, я увидел лишь пучки сушеных трав, маленькие горшочки с какой-то засохшей гадостью, пару чугунков, покрытый ржавчиной нож и несколько позеленевших от старости медных ложек. В общем, ничего полезного. В шкафу обнаружили мешки, в которых, судя по следам жизнедеятельности жуков, ранее была крупа, и пара целых тарелок. Дальнейший обыск результатов не принес – я не смог обнаружить ни огнива, ни даже соли. На второй этаж подниматься смысла не было, поэтому я покинул не оправдавший надежд дом и зашел в следующий, где сразу направился на кухню, плюнув на осмотр прочих комнат.

Просочившись в полуприкрытую дверь, я зашел в запустевшее помещение с печкой и несколькими столами и замер. Эта кухня была обитаема – на полу под окном возился какой-то зверь размером с кошку и издавал звуки, похожие на довольное чавканье. Решив не мешать трапезе местного обитателя, я попятился назад, но наткнулся на дверь, которая громко скрипнула. Зверь обернулся, продемонстрировав злые красные глаза и широкую окровавленную пасть, а затем с тихим рычанием прыгнул, явно намереваясь вцепиться мне в глотку.

Прыжок закончился трагически. Я не стал уклоняться, а просто вытянул руку с кинжалом, на который и нанизалось пушистое тело. Смерть странного создания была почти мгновенной. Тихо всхлипнув, оно упало на пол и замер-

ло без движения, давая мне себя рассмотреть. Тварь оказалась круглой, смахивала на покрытый густой шерстью баскетбольный мяч, обладала четверкой длинных конечностей с цепкими пальцами, парой глаз и неприлично огромной для такого тельца пастью, располагавшейся на брюхе. Потрогав уродца сапогом, я усмехнулся и заявил:

– Колобок-колобок, я тебя съем! – однако, поразмыслив немного, добавил: – Хотя нет, рисковать не буду. Вдруг ты ядовитый?

Ведь рыба, суслик, орел и даже Змей были распространены на Земле, поэтому я предположил, что их мясо съедобно. А такого Чуда-Юда у нас отродясь не водилось, так что лучше померить аппетит. Поглядев на остатки птицы, которую до моего появления жрал домовой, я приступил к тотальному шмону и снова ничего полезного не нашел. Разве что небольшой походный котелок, чуточку ржавый, но вполне пригодный к использованию.

Прихватив его, я пробежался по другим комнатам, рассчитывая подыскать там нечто вроде сумки или рюкзака, а также какую-нибудь приличную одежду, но вскоре понял, что ткань испытание временем выдерживает плохо. Большинство найденных шмоток было кем-то погрызено, а остальные распадались в руках и были годны разве что в качестве половой тряпки. Со вздохом оставив мысли о том, чтобы сменить поднадоевший балахон на что-нибудь поудобнее, я забрал котелок, вышел на улицу и буквально

нос к носу столкнулся с зомби, медленно дефилировавшим по площади.

Данный обитатель пустого города очень напоминал тех живых мертвецов, которых зрителям с крепкими нервами обожают демонстрировать Голливуд. Это был мужик в грязной потрепанной одежде, с неестественно бледной кожей, налитыми кровью безумными глазами и огромными темными кругами под ними. Засохшая кровь на груди и лице говорила о том, что мертвяк недавно перекусил. И возможно, тем самым мародером, останки которого я видел.

Пока я хлопал глазами, вытаращившись на зомби, тот меня заметил, оскалился и с яростным хрипом кинулся навстречу. Понимая, что кинжал в данном случае не поможет – нельзя же убить того, кто и так мертв, я припомнил все виденные ужастики. Там, как правило, герои справлялись с подобными тварями, лишая их мозгов, поэтому я решил действовать по их примеру. Дождался, пока зомби окажется совсем близко, а затем со всего размаху врезал ему по кумполу котелком. Способ оказался весьма эффективным. Мертвец упал на мостовую и пару секунд находился в прострации, хлопая зенками и словно пытаясь вспомнить, как он здесь оказался. Но вскоре глаза зомби сфокусировались на мне, и он довольно резво поднялся на ноги.

Не дожидаясь, пока мертвяк снова на меня кинется, я подскочил к нему и повторил коронный удар котелком. На этот раз он оказался настолько сильным, что поржавевшая руч-

ка отломилась, и металлическая посуда отлетела, с диким грохотом покотившись по камням. Но зомби умирать не захотел, хотя на его черепушке появилась внушительная вмятина. И тогда, стиснув кинжал, я вонзил его в глазницу хрипевшей твари, поскольку другого варианта мне в голову не пришло.

Несмотря на опасения, кинжал наградил меня зарядом бодрости и ощущением холода, который пробежал по руке и приятной волной разлился по телу. Видимо, в мертвце тоже содержалась энергия, позволявшая ему двигаться и нападать на живых людей. Лишившись ее, он мигом превратился в обычный труп и рухнул мне под ноги. Переведя дух, я тщательно вытер клинок об одежду мертвца и перевернул тело, чтобы обшарить его карманы, но в следующий миг услышал невдалеке шорох и знакомое хрипение.

Не раздумывая, я бросился в дом, захлопнул за собой дверь и взбежал по скрипучей лестнице на второй этаж. Осторожно выглянув в окно, я понял, что успел вовремя. На площадь выбежала толпа зомби, никак не меньше трех десятков. Оглядев ее, я сделал вывод, что живые мертвцы разделялись на несколько типов. Первые являлись просто ходячими трупами, как тот, который попался мне. Как правило, они были одеты и больше всего напоминали людей. Второй вид был представлен мутантами разной степени трансформации, отличался особой уродливостью и на людей походил мало. Когтистые пальцы, выпяченные нижние челю-

сти с удлинёнными клыками, полное отсутствие носов, решивших превратиться в одну большую дырку, серая кожа, горб на спине... Короче, симпатяшки еще те!

Но самым жутким был третий вид зомби. Из всей толпы к нему можно было отнести только одну тварь. Она была голой, безволосой, с темно-серой кожей, под которой бугрились мышцы, предпочитала передвигаться на четырех конечностях. Торс твари был гипертрофированно увеличен, как это бывает у мультяшных супергероев, голова уже не являлась человеческой и представляла собой некую смесь киношных Чужого и Хищника. Довершал картину хвост, напоминавший крысиный. Рассматривая чудовище, я никак не мог поверить в то, что изначально оно было человеком.

Пока я пересчитывал мертвецов, те рассредоточились по площади в поисках добычи. Трое наткнулись на упокоенный мной труп и принялись с аппетитом его пожирать. Остальные, увидев это, оставили поиски и пожелали присоединиться, но тут кошмарная тварь меня удивила. Она громко рыкнула, и зомби послушно отошли от тела. Все, кроме одного, который так увлекся пожиранием плоти своего собрата, что не заметил, как к нему подскочил вожак (тварь, похоже, выполняла в стае мертвецов именно эти функции) и врезал ему по голове. Тыковка зомби жалобно хрустнула, разбрызгивая во все стороны темную субстанцию, которую назвать кровью было трудно, и второе безжизненное тело опустилось на камни.

Вожак снова зарычал, окружавшие его зомби отступили еще дальше и замерли в ожидании. Поглядев на них, тварь принялась утолять голод, вырывая куски из тел мертвецов и с жадностью их глотая. Я же тихо офигевал. Получается, зомби в этом мире – самые обычные хищники. И хотя раньше они были людьми, после смерти и непонятого оживления им удалось сохранить первобытные инстинкты, которые велят сбиваться в стаи и подчиняться вожаку – самому сильному зомби.

Одно непонятно, как же все-таки появляются эти живые мертвецы? Достаточно умереть, чтобы превратиться в подобное чудовище, или же необходимо какое-то специфическое магическое воздействие? А если это какой-нибудь вирус, который передается воздушно-капельным путем? Тогда не потому ли город оставили жители, и не успел ли я подхватить этот местный грипп? Последняя мысль заставила меня похолодеть.

Превращаться в зомби я не планировал, поэтому решил как можно скорее покинуть опасное место. Однако мне пришлось проторчать на втором этаже еще два часа, дожидаясь, пока насытится вожак, а затем рядовые зомби разорвут тела на части и оставят от них обглоданные кости. Все это время я старался не шевелиться, опасаясь скрипом старых раскошшихся половиц привлечь к себе внимание. Когда же мое терпение подошло к концу, главарь-мутант, дремавший под стеной после сытного обеда, проснулся и повел свою стаю

прочь.

Когда последний зомби скрылся из вида, я осторожно спустился на первый этаж и прислушался. Ни шороха шагов, ни рычания с хрипением слышно не было. Тогда я рискнул выползти на улицу, убедился в отсутствии ходячих трупов и потопал обратно. И хотя у меня присутствовало желание прошерстить еще несколько домов, я не стал искушать судьбу больше необходимого и двинулся к выходу из города. Но не успел пройти и сотни метров, как услышал странный шум вдалеке.

Спустя минуту я смог его идентифицировать. Это был топот копыт, говоривший о том, что к городу приближаются всадники. Не желая встречать их посреди улицы, я кинулся в двухэтажный дом, который выбрал не просто так, а из-за больших дыр в покрытой черепицей крыше. Взбежав на второй этаж, я после недолгих поисков обнаружил лестницу и забрался по ней на чердак. Оказавшись в царстве паутины, я брезгливо передернулся. Пауки с детства вызывали у меня лишь отвращение, но сейчас я сумел с ним справиться, прокрался по подгнивающим доскам к одному из проломов и выглянул на улицу.

Рассчитал я правильно, с этого места можно было разглядеть и остатки городских ворот, и четверых подъезжавших к ним всадников. Увидав последних, я выругался. Мои предположения полетели к чертям – это оказались сектанты в до боли знакомых балахонах. Видимо, после неудачного ритуала

ла гады провели ночь рядом с алтарем, а затем посовещались и решили разделиться: одна группа с повозкой отправилась домой, а эта четверка поспешила по моим следам.

Судя по времени, так оно и было, ведь лишь первые сутки я старался уйти в отрыв, а потом расслабился и сбавил темп, позволив себя догнать. Но тогда получается, в их компании есть хороший следопыт, который вычислил мой маршрут и даже не потерял меня в тот момент, когда я перешел ручей. Хотя предположить, что я не буду отдаляться от воды – много ума не надо. Но интересно, как же преследователи будут искать меня в мертвом городе? Примутся проверять все дома?

Пока я раздумывал, как бы поиграть с сектантами в прятки, всадники остановились перед проломом в стене и стали совещаться. Я увидел, как один из них достал из сумки какой-то предмет, сжал его в ладонях и застыл в седле. Судя по тому, что у этого всадника из оружия имелся только кинжал, он был магом. Остальные замолчали и терпеливо ждали, пока их товарищ вернется в реальный мир. Наконец колдун ожил, спрятал что-то обратно в сумку и уверенно указал рукой в мою сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.